

Евгения
Хамуляк

Странный ад Кроко
или День Крокодила

Евгения Хамуляк

**Странный ад Кроко,
или День крокодила**

«Издание книг ком»

2018

УДК 82-3
ББК 84-44

Хамуляк Е. И.

Странный ад Кроко, или День крокодила / Е. И. Хамуляк —
«Издание книг ком», 2018

ISBN 978-5-91775-385-0

Дорогие друзья! Перед вами фантастический роман, местами похожий на современный детектив, местами – на потрясающую сказку, а кое-где реальность в нём предстаёт сюрреалистичными картинками, где главной героиней становится крокодилица... Но не торопитесь пугаться и записывать рептилию в отрицательные персонажи, возможно, она сама попала в передрагу и единственным выходом для неё станет перейти на сторону света в спасении планеты Земля, которая оказалась в аду по вине её соратников.

УДК 82-3

ББК 84-44

ISBN 978-5-91775-385-0

© Хамуляк Е. И., 2018
© Издание книг ком, 2018

Содержание

Вместо предисловия	5
Глава 1. Бег	8
Глава 2. Бася	10
Глава 3. Полет	15
Глава 4. Кристина	20
Глава 5. С корабля на бал	26
Глава 6. Коко	33
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Евгения Хамуляк

Странный ад Кроко или День Крокодила

Вместо предисловия

Иногда, когда утихают все звуки, и я остаюсь совершенно одна в большом доме, где слышится эхо и мерещатся ходячие тени по высоким стенам, в голове возникают повторяющиеся по кругу вопросы, задаваемые знакомым голосом: Кто же я? Откуда? Куда иду? Зачем? А также, кто все те небезызвестные мне персонажи, ярко описанные мною же, будто мои родные и друзья? Что они значат для меня? Зачем рассказывают свои трогательные истории, от которых я плачу...

Закрываю глаза и опускаюсь в свою мягкую, холодную, душистую постель, чувствуя, как нечто монолитное накрывает сверху, принося практически смертельную сонливость, от которой не могу двинуть ни рукой, ни ногой, немеют члены и мускулы наливаются неподъемной тяжестью. И в непостижимом страхе больше никогда не проснуться, я забываюсь липким тяжелым сном. Когда гаснет последняя мысль, улетающая в черноту запоздалым светлячком, я, наконец, смиряюсь с концом, но тут же, через несколько секунд, делаю новый вдох и в ужасе открываю глаза.

Я жива. Вокруг больше нет моего дома. Я сижу на опушке леса, на моих коленях дневник, где различаю записанные моей рукой вопросы. Я – Алиса из сказки про волшебный папоротник, та девочка из разрушенной семьи, у нее был дневник, куда она записывала непонятности, чтобы потом во взрослой жизни не забыть разъяснить их для себя. Так и я записываю то, что осталось темным без ответа, чтобы потом, когда настанет свет, – не забыть ответить: кто я? Почему все произошло так, как произошло? Кто были те люди, которые встречались на пути и которых я любила и ненавидела? Почему? Что будет со мною после смерти? Что будет после смерти с моими детьми? Я веду рукой по написанным буквам, и последний светлячок мысли улетающий в темнеющее небо, голова моя склоняется от глубокого сна. Последнее что я вижу – это падающая на дневник синяя лента с моих волос. Все-таки мы очень похожи с Алисой...

Я снова делаю вдох, не дышать невозможно, если ты хочешь жить... И открываю глаза, видя перед собой комнату полную кукол. Тысячи глаз смотрят в одну точку, и я чувствую бездушность их взгляда. Я старая уставшая Миссис Вридли и кроме пустых голов с искусственными волосами и ничего не видящими стеклянными глазами, – у меня ничего не осталось, даже слез... Только робкая, хоть и напрасная надежда, что все-таки кто-то пожалует меня... Затаиваю дыхание и закрываю глаза, побыстрее желая убраться из этой пыльной захлавленной мертвецами и несбывшимися надеждами комнаты... Моя голова падает на грудь, словно я сломанная кукла...

Жду, не дышу, боюсь... Но долго не дышать не получается, глоток воздуха, шарик кислорода выталкивается из горла с боем, хватаясь за другие такие же шарики и резво улетающий разноцветным пузырем вверх.

Я на улице у крыльца какого-то дома, туда входят люди, держа в руках нарядные подарочные коробки, цветы и шарики. Я – Николь, девочка из сказки про Верины мечты, которой очень хочется, но страшно и неудобно входить туда, куда ее не звали. На крыльцо выбегает другая девочка, точно с таким же лицом, что и я, призывно зовет меня войти. Отрицательно мотаю головой, это не моя семья, мне нельзя там быть, я не имею к этому хорошему никакого отношения. Другая Николь смеется, отмахиваясь. Заходи и ты будешь иметь к этому отношение. Обещаю. Я верю ей и радостно бегу навстречу.

Долго ничего не происходит, дышу, но не открывая глаз. Чувствую, меня куда-то несет. Вокруг шумно, как на вокзале, слышны паровозные гудки, звон металла, шум машин, крики рабочих...

Я сильная и храбрая, в моей жизни мне пришлось преодолеть многое и, тяжело вздохнув, смело открываю глаза. Увиденное поражает мой разум...

Что же я вижу?

Огромное чудовищное строение, мчащееся на всех парах, шплинтах, колесах и рельсах, уходящее тонкой чугуновой трубой высоко в небо, содрогаясь, со скрежетом несется вперед. Оно утыкано всевозможными деталями, которые сами по себе производят тысячи движений, звуков и работ, одновременно шагая в ногу с общим ритмом. Какие-то винты выпадают из живого строения, тут же пойманные на лету крылатыми созданиями из пластика, металла и картона. Некоторых ставят на место, другим находят новое применение, и уносят и вносят куда-то. Пока я кручу головой, рассматривая этого немыслимого ходячего монстра, сделанного из шевелящихся деталек, мне приходит в голову, что они живые и верно имеют лица. И только я так подумала – в едином порыве все они развернулись ко мне, действительно проявляясь человеческими образами. Кто-то хмуро смотрит, кто-то досадливо ожидает, другие, наоборот, открыто улыбаются. В их взглядах я читаю приветствия. Тем временем, ходячий дом делает остановку, детальки тут же перестраиваются, открываются гигантские створки, из которых выпрыгивают подобно отверткам его жители, мастерски принаравливаются к починке на медленном ходу. Утихают громоздкие и мелкие механизмы, делая передышку. Пока я засматривалась на их работу мимо меня на бегущей ленте проехали, словно праздничные гирлянды, десятки зеркал, среди которых были и кривые. Я улыбнулась шестивью, зеркала поприветствовали меня, и тут же в них я увидела себя: яркой веселой погремушкой в виде матрешки, висевшей на атласном бантике в этом жужжащем живом улье. Надо же, матрешка! В последнем проезжающем зеркале обращаю внимание, что сзади меня висят еще несколько ярких игрушек. Повернувшись, вижу моих детей – веселые маленькие елочные безделицы; они стали сталкиваться со мною, мило потираясь и счастливо звеня. Мне стало смешно. Надо же, ни на что более не гожусь, как висеть здесь в виде яркой побрякушки?

Полки с отвертками закончили работу и с грохотом закрылись, тут же открылись другие, из которых повывскакивали какие-то гайки, рулоны, карандаши и мячики. Дом зашумел и поплыл дальше, оставляя душистый копченый аромат после себя. Сильный шум стал стихать для меня, я задумалась, теряя интерес к жизни монстра...

Как все интересно и правильно устроено! Забавно, а могла бы из меня выйти отвертка, гайка или, например, зеркало?

Я вздохнула, эти вопросы не имели ответов, просто потому что вдруг стали мне не интересны. Не смотря на разнообразие жизни в этом мегаполисном устройстве, сотканном из всех возможных материалов на свете, это шумное техногенное общежитие наскучило и опостыло. И совершенно осознанно я развязала атласную ленточку, на которой висела привязанной к ходячему монстру, в тот же миг сваливаясь на зеленую свежую травку, которая мягко поглотила мое тело.

Никто не остановил, никто не побежал, никто даже не окликнул меня. Стало понятным, – ответственность за решение каждого остается лишь на его совести.

По-прежнему некуда не торопясь, полеживая в мягкой травке и вглядываясь в облака, мне пришло в голову, что они по странной случайности, а может быть, в этом тоже существовала определенная закономерность, похожи на разнообразных рыб или каких-то пресмыкающихся, крокодильчиков, ящерок...

Неожиданно я заприметила одну черную тучку, отделившуюся от общей массы, стремительно направляющуюся ко мне, на ходу превращаясь в летающего крокодила.

А вскоре зеленый монстр уже застыл в нескольких метрах от меня, махая толстыми чешуйчатыми лапками, при этом неотрывно взирая своими ужасными глазами с тонким черным вертикальным лезвием посередине. Но я не чувствовала опасности, наоборот, рептильный прищур, окаймленный пушистыми пшеничными ресницами, показался весьма симпатичным и благодушным.

– Кто ты? – спросила я из травы.

– Кроко, – просто ответила крокодилица женским звучным голосом.

– А зачем ты? – схитрила я, решив задать мучавшие меня вопросы.

– Ну, если надо сожрать солнце, я могу сгодиться...

– Сожрать солнце?! Фу, как ужасно, – насупилась я. – Кому это нужно?!

– Если ты не помнишь себя в прошлом, не знаешь кто ты в настоящем, и не представляешь где ты в будущем, все кажется ужасно странным... Каждая деталь кричит ответом, каждая мысль, каждый поступок являются маленькой черточкой в большом и сложном плане, который разворачивается прямо на твоих глазах. – Крокодилица вытащила из-за пазухи золотую цепочку, ярко блеснувшую на солнце, и кинула мне. Привстав, я взяла золото в руки, и так: она в небе, а я по земле, мы пошли гулять по следам давно укатившего вперед ходячего монстра. Мы не торопились, во снах никто никуда не спешит и везде успевает. По дороге Кроко стала рассказывать свою историю. Мне показалось правильным передать ее вам. Она поучительная.

Глава 1. Бег

Честно сказать, не помню ничего из того, что произошло до того момента, что я помню. Просто знаю, что произошло нечто ужасное... Перед глазами, которые слезились от ветра и бьющих со всех сторон веток лицо, стояла такая картинка: события, похожие на разъяренных крыс, злобно шипели на меня и разбегались в разные стороны, а я не могла поймать за хвост ни одну из этих проклятых отвратительных созданий. И, честно сказать, мне совсем не хотелось знать, что каждая из них означает. Внутри томилось гадостное чувство, что лучше даже и не пытаться вспомнить. Лучше не надо...

Однозначно я находилась под действием шока или чего-то похуже, раз моя память благожелательно отключилась. Все это напоминало кошмарное сновидение, где все случается само собой и без твоего контроля и желания. Я такая добрая и милая Красная Шапочка, бегущая с корзинкой по лесу, за которой гонится ужасный Серый Волк. Только с одним «но»: что-то внутри подсказывало, что я совсем не похожа на милую девочку с пирожками, и, по-моему, моя сказка не закончится хорошо. А тот отчаянный бег напряженных мышц и внутренний истощенный вопль ужаса скорее делали меня похожей как раз на испуганную крысу, удирающую от метлы дворника.

При желании, наверное, можно было бы восстановить ход событий, причинно-следственную связь, где и как все началось и, каким образом я довела свою жизнь до такого отчаянного момента, что вынуждена была с изумлением безвольно наблюдать за тем адом, что творился вокруг. Мелкие ошибки сменялись крупными неприятностями и непростительными проступками, за которыми следовали новые провалы. Каждый день будто писался под диктовку гениального сценариста-маньяка, обожающего кровь и ужасы, и я не могла остановиться, словно тряпичная кукла, следовала каждой букве этого ужасного сценария, двигая ручками и ножками, как по команде.

Отчаяние подкатывало к горлу, ибо каждая секунда дьявольского бега, оборачивалась прозрением, явственно мне подсказывающим, что сумасшедший сценарист – это тоже я.

Поэтому желания вспоминать у меня не возникало, и я была очень благодарна памяти за безумное забытьё... и бегу – за возможность отключиться.

Хотя это был не сон...

* * *

Какого-то числа во вторник я просто бежала по серому осеннему лесу, полному сухих серых листьев, которые нещадно скрипели и рассыпались в пыль под моими ногами. Бежала, судорожно глотая горькие слюны и соленые отчаянные слезы. Бежала, потев от накатывающих волн страха и отчаяния, от невольно встающих перед глазами картин расправы и правосудия надо мною. Бежала от погони, устроенной органами наказания по особо опасным криминальным субъектам.

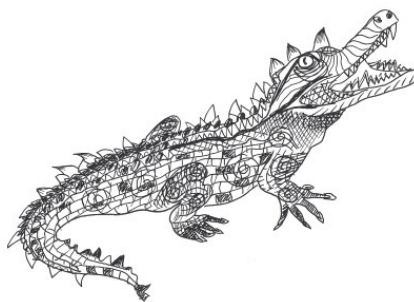
Я бы бежала еще быстрее, но внутри будто сидел злейший враг, судейским холодным тоном отчеканивающим приговоры за совершенные проступки, от чего перехватывало дыхание, и я вынужденно теряла силы и сбавляла ход. Этот враг назывался Совесть. Глас вещал из невидимого ранее органа, который до этого злополучного вторника не ощущался в моем организме, обвинительно и беспрекословно предрекая близость скорой справедливой расправы, а страшный треск и шум от ломающихся веток и листьев подло имитировали шорох взлетевшей кипы бумаг, где черным по белому было начертано за что мне предстоит гореть в аду...

Дьявольский голос и приговоры пугали, но не настолько, чтобы отказаться от бега и незамедлительно очутиться в руках полиции. Поэтому отталкиваясь от шершавых стволов деревьев, ломая ветви, я старалась прибавить шаг. В такой бешеной спешке у меня совершенно не было времени рассмотреть себя со стороны, но периодически в прыгающей картинке мелькающей серой реальности, то и дело крича контрастами, выпадали яркими пятнами мыски ядовито-зеленых резиновых сапог и вырывались рукава оранжевой куртки немислимого покроя. И мои руки... усыпанные драгоценными кольцами пальцы, испачканные в крови, которая местами уже успела засохнуть.

Все это мерещилось без единого убедительного объяснения, потерянного в липком гадостном забытом памятью прошлом...

Когда вперед вырывалась Бася, то моему взору представал всецело тот кошмарный наряд, в котором мы, похожие на уродливых клоунесс из цирка полоумных, бежали от преследования. Сапоги-дождевики явно на пару размеров больше, чем нужно, нещадно скрипели и хлюпали на длинных стройных ногах моей компаньонки. Огромный плащ отвратительной расцветки и совершенно безобразной формы, будто специально созданный пугать ночью заблудших в лесу грибников, цеплялся за ветки, раздувался во все стороны, тем самым, как только можно, мешал бегу.

Все было нелепо, странно и жутко. Как бы мне хотелось, чтобы это был просто кошмарный сон...

Глава 2. Бася

Рядом бежала Бася.

Это еще одно событие или явление из моей жизни без подробностей. Бася – моя лучшая подруга. Точнее сказать, компаньонка. А если говорить совсем на чистоту, а сейчас, видимо, настал именно такой момент, – Бася являлась для меня всем.

Память, на секунду вырвав небольшой кусок из прошлой жизни, который еще не рвал совесть на части мое нутро, показал нашу встречу. Ну или то время, когда я поняла, что без присутствия Баси более не представляю свою жизнь.

Мы встретились в летнем лагере, куда нас отправили на лето родители. Нам было по пятнадцать лет. С первой секунды, завидев ее, я поняла, что смотрю в зеркало. И хотя мы отличались: она была чуть выше меня, чуть статнее, и, как мне казалось, благороднее и красивее, – все вокруг называли нас сестрами-близнецами. Это нам очень нравилось, и вскоре мы сами выдавали эту версию, ибо искренне чувствовали родство. Но самое главное, в тот момент, мы осознали, что вдвоем способны на многие вещи. Как обычно бывает в подростковых сообществах, где жестокость проявляется в особо острых формах, в то лето мы с Басей подчинили своей воле почти весь коллектив. Даже вожатые побаивались нашу парочку. Бася одним взглядом могла останавливать смуту и добиваться покорности, проявляя твердокаменную неумолимость своего решения, которому внимали от мала до велика.

Мне нравилось все, что она делала. Я восхищалась ею! И если раньше не замечала в себе таких качеств, этой жгучей зажигательной злости и невероятной смелости, после встречи с ней, после ее примера, я будто расцвела, позволяя себе все.

Бася была первая, я – вторая. Мне нравился такой расклад. Мне нравилось повторять за ней.

В тот год мы разъехались по домам и надолго разлучились. В кармане каждая из нас сжимала по золотому кольцу, украденному у воспитателей или отнятому у учеников. По глупой сентиментальности свое я храню до сих пор, как талисман.

В голове наступила немая пауза.

Спасибо еще раз, память, за безболезненную амнезию...

Эти первые кольца охраняли нас в самые трудные моменты, где казалось, мы ходим по лезвию ножа. Но все сходило с рук... Только теперь, пожалуй, ни кольца, ни крысиный бег, ни тайная магия нашего с Басей союза, которому будто ворожил сам дьявол, вряд ли остановят эту травлю...

* * *

В рупор кричали без перерыва. Я старалась не вслушиваться в их речи. Было понятно, что ничего хорошего нас не ждет. Судя по чудовищному лаю собак в отряде преследования и частому обстрелу, задача ставилась – взять любой ценой. Мой враг, совесть, подло подсказывала, что на наших с Басей именах давно стоит алая печать неумолимого вердикта, и красные огоньки от прицелов уже исследуют со спины клоунские плащи, желая быстрого осуществления зловещего приговора.

По масштабу погони не вызывало никаких сомнений – рано или поздно нас догонят. Однако по горькому привкусу во рту, который сводил челюсть от застывшего оскала ярости, чувствовалась незыблемая уверенность в том, что и мы не сдадимся.

Бася бежала впереди, и ее твердый бег в этой нелепой одежде наводил на эту спасительную мысль. Она ни разу не обернулась и не взглянула на меня.

Ни смотря на страх, на полный рот отвратительной горькой малодушной слюны, на эти упаднические мысли, меня вдруг охватило чувство зависти и злости к ней. Почему собственно она решила, что нам надо бежать до конца и ни в коем случае не сдаваться? Я и сама бы не повернула назад, но душила мысль, что это было не согласовано со мною. Бася часто так поступала. Иногда мне казалось, что если б не та удача, что сопутствовала именно нам двоим, она бы давно расправилась со мною. Но только там, где присутствовала я, где был мой вклад, мое участие – именно там нас ждал успех. Бася смирилась с этим условием в свое время. Это была какая-то магия и она работала.

Я все подвергаю анализу. Бася ненавидела эту привычку. В общем-то, я тоже. Мучительно все пропускать через себя и долго прислушиваться к своей интуиции, к предчувствиям, опасениям, страхам... Но ни раз и ни два, именно это качество спасало от краха. Бася верила моему чутью и использовала это свойство, внутренне морщась и сдерживая недовольство. Но когда не было необходимости терпеть – не церемонилась с моими чувствами. Это бесило! Даже сейчас, не вспоминая подробности последних событий, у меня возникло ощущение, что именно по ее вине, я одетая, как дура, бегу по этому идиотскому лесу к последней жизненной черте, потому что она меня не послушала... И именно поэтому не оборачивается и не смотрит на меня. Я знала свою компаньонку, как свои пять пальцев. Эта была жестокая, циничная сука! Но это была моя подруга. Моя лучшая подруга!

И даже если бы нужно было кинуться за ней с моста, я бы предпочла это сделать, чем потерять ее из вида, или того больше, потерять ее из своей жизни...

* * *

Ход моих тягостных мыслей прервался, так как Бася резко затормозила, будто перед пропастью. Самое ужасное через пару секунд я увидела, что лес действительно заканчивался отвесным обрывом.

Это какое-то наваждение...

То ли от бега, то ли от шока и ужаса, может по какой-то другой странной причине, картинка перед глазами запрыгала и никак не хотели укладываться в одну стройную или, по крайней мере, постоянно не скачущую картину. Взгляд не мог сфокусироваться на чем-то одном. Я посмотрела вниз и только сейчас услышала страшный грохот от водопада. Тонны воды с рокотом спадали далеко вниз, заканчиваясь скалистыми выступами водной бездны.

В ушах заложило. Шум воды перекрывал даже ор, преследовавший нас все это время. Я перестала слышать что-либо вообще; капли пота заливали глаза, капая с ресниц, походя на слезы...

От какого-то морока, словно завороченная, я рассматривала бурлящую пропасть, расплывающуюся и вновь собирающуюся воедино. Она была невообразимо далека, но ее я видела яснее всего, чувствовала ее зов... Расстояние, которое нас разделяло, являлось непреодолимым и, в любом случае, несовместимым с жизнью. Существовал только один шанс достичь ее без ущерба расплющиться в кровавую лепешку в пенной утробе – взлететь и обернуться дикими лебедями. Другими словами – шансов выбраться сухими из воды у нас с Басей не было...

* * *

Я посмотрела на компаньонку, судорожно втягивающую разряженный воздух своим утонченным носом с хищно раскрытыми ноздрями, прикидывавшую шансы на успех; ее образ

плыл перед глазами, мне стоило усилий концентрировать взгляд на ней. Это до боли знакомое красивое лицо, так редко виденное мною растерянным и встревоженным... Эти глаза, зеленые и прозрачные с мелким злым зрачком посередине, четко смотревшим мне в упор, словно дуло пистолета, вызвали во мне бурю эмоций. Я всегда была более чувствительнее, чем она, поэтому быстро и шумно разрыдалась. Бася лишь прикусила губу, все поглядывая то на меня, то на пропасть. Вытерев, наконец, слезы и пот, не смея что-либо сказать, лишь глубоко и тяжело дыша, я глянула на лес, откуда доносились надвигающиеся, как смертоносная буря, адские металлические голоса, орущие в рупор, повторяющийся речитативом, смешавшимся с лаем свирепых собак, призванных поймать двух провинившихся лис и разорвать их на клочья.

Оглушенная, я вновь повернулась к старшей подруге и серьезно посмотрела ей в глаза. Очень серьезно, посылая взглядом выразительный призыв хорошо все взвесить.

Тут в моей голове закружились бесцветные картинки тюремных камер с серыми лицами тюремных жительниц. Бася поняла меня без слов, по первому взмаху ресниц. Эту особую форму взаимопонимания, я бы даже сказала симбиоза наших сознаний, мы выработали давно, а может, она родилась с нами. Я видела, как эти серые картинки теперь всплывают и у нее перед глазами. И красивое женское лицо, вдруг скрючившись и почернев от злости, изрыгнуло плевок в сторону леса.

Вы видели когда-нибудь лицо Карабаса Барабаса с черными неподвижным акульим прищуром, в котором читается зверское желание переломать деревянный хребет любой глупой кукле, попавшей под горячую руку?

Это было лицо Баси в ту секунду, во взгляде которой ясно читалось это страстное намерение. И если бы не одно обстоятельство – погоня за нашими светлыми головками свирепыми крысыловами, мой жизненный путь закончился бы в этой самой точке, (сразу оговорюсь, возможно, не самой ужасной, что я могла себе представить), со свернутой на бок шеей, – любимым приемом, отработанным в совершенстве моей подругой.

Но Бася никогда не делала лишних телодвижений, в ее голове всегда был антикризисный план, продуманный хотя бы на ближайшие шаги. И тратить силы на и так бесперспективное мое будущее, у которого один конец смотрелся хуже другого, она посчитала нужным сосредоточиться на окончательном решении.

Из кустов послышался рык нескольких чудовищ, я быстро посмотрела в сторону леса, как в этот момент, Бася, дотронувшись до моего плеча, оттолкнулась от него и, развернувшись спиной, бросилась в бурлящую пропасть.

С этой секунды мир вокруг меня необратимо изменился. Время, наконец, показав свою истинную природу, то есть свое полное отсутствие в реальности, перестало укладываться в рамки физических ощущений, порой расширяясь-сужаясь по своему личному усмотрению.

Оглянувшись на прикосновение, я узрела жуткую картину, страшнее, чем все кошмары погони вместе взятые. Мои глаза превратились в тысячи паучьих пластинок, улавливающих отдельно взятую деталь видимого положения дел, где каждая вызывала свое восприятие и ощущение. И это были тысячные оттенки ледящего ужаса...

Отдельно я заметила дыхание Баси: облачко выдоха, за которым не последовало вдоха, оно повисло в воздухе, и до меня донесся лишь его знакомый женственный аромат, перемешанный с изысканным парфюмом. А вот уже в прыжке замирает ее тело, неловкие повороты рук и головы, желающие за что-то ухватиться, округлившиеся зеленые глаза, в которых вдруг заблестела незнакомая этому лицу эмоция – растерянность и обида. Тело зависло, как на картинке комикса, а бестолковые сапоги, дурацкий плащ, будто по волшебству слетали с ее стройного тела проваливаясь в бездну, оголяя красивые ноги в странной неестественной позе, и тонкие руки, зовущие меня. Еще меня поразила ее одежда, ранее скрытая под плащом, вся покрытая золотом подруга походила на древнегреческую богиню...

Вместо крика я просто перестала дышать. Ком в горле сначала занял всю грудную клетку, а потом бездыханным и деревянным стало все тело. Было жутко наблюдать, как она удаляется от меня. В эту минуту я не чувствовала себя: становясь то падающим телом Баси, то тем промежуточком, разделяющим нас, то облачком выдоха, рассеивающимся в тумане брызг, то всецело этой полной ужаса картиной. Хуже всего, что во взгляде подруги, который медленно удалялся в пропасть, впервые в жизни я прочла нечто скрытое от меня – тайну. И это больно резануло сердце... Я могла бы простить Басе предательство, коварство, жестокость, но только не тайну.

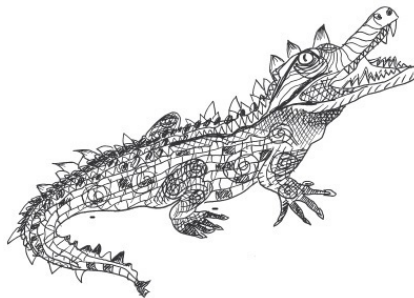
О том, что существует какая-то вероятность жизни без Баси, что вообще есть жизнь после смерти, есть просто Смерть, мне даже не приходило в голову в тот момент. Я перестала слышать собак, вой сирены, шум леса, этот дьявольский рокот водопада. В замедленной кинолентке неуклонно уносившей в своих цепких смертельных объятиях смысл моего существования – сердце перестало биться.

И если по какой-то случайности я бы обернулась назад, только на одну долю секунды, то увидела бы, как псы клацают своими блестящими фарфоровыми челюстями в воздухе, хватая меня за уродский плащ, в желании утащить с обрыва. Я бы сразу же прочувствовала, как меня ошеломленную быстро скручивают в тугой узел, нацепляют холодные металлические наруч-

никами, одевают на голову темный душный мешок. Как мне становится больно, я валяюсь по траве и глухо рычу, вдыхая аромат осенних листьев, мокрых и гнилых. И остаюсь живой...

Но всего этого я не увидела, потому что всего этого не произошло.

Не в силах позвать свою подругу, я просто открыла рот в немом крике и, цепляясь за тот же воздух, что и она несколькими секундами ранее, прыгнула в разноцветную радугу, утопающую в пене веселых брызг шумящей воды.

Глава 3. Полет

Хочу заметить, что если бы не те роковые обстоятельства, в которых по фатальной ошибке, а может быть, вполне сознательно, оказались мы с Басей, я тысячу раз подумала бы, прежде чем решиться на такую отчаянную выходку, как расстаться с жизнью.

Но в тот момент каждая деталь этого пугающего представления с погоней и ошеломительным поступком моей подруги, сложила воедино, будто игра в пазлы, всю дьявольскую картину, где, казалось, у меня не оставалось другого выхода – прыгнуть за Басей в бездну, лишь бы не терять из виду ее таинственный взгляд.

Меня обдало холодным мокрым ветром, грубо подхватившим тонкое тело в дурацком плаще, в котором что-то отчаянно хрустнуло и переломилось, причинив невероятную боль; сознание мгновенно благосклонно отключилось.

* * *

Не знаю, сколько прошло времени, пришла в себя я так же внезапно, как и ушла, и также молниеносно предсмертный страх охватил все мое существо. Я стала дико размахивать руками в воздухе и истошно кричать. Чувства мои отделились от меня, становясь чем-то самостоятельным, ибо возникший ужас не мог ужиться в моей голове. Мысли походили на разлетающиеся осколки от чудовищного взрыва, где бомбой и часовым механизмом служило мое тело. Срывались и улетали парить обломки и обрывки слов о каком-то раскаянии, дикая и отчаянная злость на себя и на преследовавших нас людей, все сменялось досадой и необъяснимой тоской. Вдруг окутывало какое-то сладкое безумие совсем не подходящих и бестолковых образов, например, привлекательнее ли я Баси в полете; интересовал трагизм и романтизм, с которым опишут наши смерти в криминальной прессе...

* * *

Я уже не бултыхала руками и ногами, они безумно устали и просто повисли на потоках воздуха, как и мысли, отделившиеся от меня. В груди заныло, охватило тошнотворное отчаяние от совершенной непоправимой ошибки. Одно удерживало на плаву мой корячившийся в лихорадке мозг, (а может быть, это была моя душа), который обозревал и чувствовал, хоть и на расстоянии, летевшую Басю, все так же зовущую расставившую руки навстречу мне. И я успокоилась.

Ни смотря на фантастические обстоятельства, тело, теряющее на ходу клоунское одеяние, отчетливо ощущало морозное дуновение от брызг водопада: кожа скукожилась и посинела, замерзли пальцы, на которых все еще были надеты красивые перстни, покрытые коричневой корочкой засохшей крови, в голове появлялись и улетучивались неуместные мысли о том, что воспаление легких или обморожение конечностей обеспечено. В общем и целом, я была как-то не готова умирать.

Краем глаза я заметила пролегающую через меня радугу. Говорят, кто пройдет под радугой – обретет вселенское счастье, – опять нехстати подумалось.

Странное падение, странная смерть... И это было начало...

* * *

Мое сознание вдруг озарилось удивительным светом и стало похожим на ту застывшую разноцветную радугу, которая застряла прямо перед глазами, а вскорости я даже решила ее потрогать. Больно уже не было, только холодно и одиноко. Радуга оказалась иллюзорной, и от нечего делать я стала оглядываться по сторонам: воздух по-прежнему лился холодным потоком мимо и сквозь, скала и утекающая вода все так же стремились и тянулись вниз, походив на скоростной бесконечный лифт. Каменные тонны мчались разноцветными породами в живую бурлящую пропасть, которая при всем этом не приближалась ко мне ни на сантиметр. Как ни странно – все было странно...

Я посмотрела наверх и заметила медленно удаляющиеся, покрывающиеся туманом, озадаченные лица людей и снующие морды собак, смотрящих вниз прямо на меня.

Радость, посетившая в этот момент от неожиданного поражения врагов в захлопывающейся ловушке водопада, приятной волной торжества окатило повисшее в воздухе по какой-то проклятой магии еще живое тело. И я дерзко показала язык обескураженным серым лицам, собакам и блестящему смертоносному оружию, предназначенному для убийства...

* * *

Торжество продолжалось недолго: отложенные неприятные предчувствия, стремительно впивающиеся острыми иголками в мое радужное настроение, рвали на части последнюю улыбку на лице.

Ибо голос совести, который сопровождал меня в беге и лишь стих на время прыжка, теперь возвращался, проясняясь в сознании спокойным монолитным потоком ясных предложений.

Совесь (или уж не знаю, кому принадлежал этот голос) предложила задуматься над очень волнительной темой: Куда я лечу?

– Без всякого сомнения, – очень спокойно ответил он же, – цель моего полета – преисподняя...

Я почему-то не удивилась такому повороту дел, что-то подсказывало мне – это правда. Память медленно, но уверенно возвращалась со всеми ее дикими и ужасными подробностями. Стало гадко и тошно, от подступившего тупого отчаяния я стала оглядываться по сторонам, и теперь меня стало по-настоящему подташнивать от удлиняющихся скальных пород, которые все растягивались и растягивались, будто нескончаемые уши кролика из цилиндра фокусника. Судорожно сглотнув, я взглянула вниз: из белой пучины водопада виднелись голые лодыжки опрокинутой Баси. На душе опять полегчало, и желудок успокоился. Она первая, я – вторая. Пока все по плану. Надолго ли?

* * *

Что-то стало меняться в пространстве: воздушный лифт засасывал сильнее, все мое существо превратилось в тонкий осенний листик, уводимый вихрями в турбину огромной лопасти смерти. Волосы, раздираемые ветром, нещадно хлестали лицо.

Было ли мне страшно? Мне было очень страшно! То и дело дурнота возвращалась, выворачивая наизнанку похолодевшее нутро. Но что-то не давало сойти сума... Среди этого безумия, мракобесия и жути вокруг была одна твердая логичная и ужасающая по сути мысль, дер-

жавшая на плаву мой воспаленный рассудок... Я стала шарить по сторонам, будто ее можно увидеть...

Наконец, мне удалось поймать за хвост эту отвратительную крысу, что кружилась вокруг, смердя и визжа, чтобы ее заметили.

Я умираю. Или скоро умру. Или уже умерла. Но Бася тоже умирает или уже умерла. И в этом мы с ней соединены. Взлетать и пропадать вместе – это наша судьба. А значит, – все идет по плану.

И хотя наш на двоих гниющий дохлыми крысами и наполненный скелетами багаж зловонил на всю округу, не предвещая радужный прием туда, куда мы летим, все время представляя перед глазами в виде кипящих котлов и раскаленных сковород с жаждущими крови монстрами, я предположила, что возможно, это и есть ад, когда тебя бесконечно трясет и колошматит, словно фарш в мясорубке. А если это только начало – достичь конечного пункта назначения я сильно не торопилась.

От неизвестности, от этого застрявшего падения, то и дело накатывали слезы, но голос совести запретил плакать: к сожалению, было поздно давить на жалость... Да и не перед кем: судья, присяжные, адвокаты, зрители, остались наверху...

Я подавила всплеск безнадежности усилием воли (не думала, что получится) и, зажмурив глаза, вдруг замерла. Мои мысли, как ни странно, подчинились. Голос совести тоже замолк. Затихли звуки и турбулентность. Меня просто распластало в застывшем бездвижном пейзаже. Это было неожиданно! Оказывается, я могу остановиться и остановить время, просто застыть в пространстве, сохраняя абсолютную ясность сознания... Каменный лифт, радуга, морозное прикосновение водопада, посиневшие руки и ноги, и больше ничего... Только я.

* * *

Так продолжалось долго... Бесконечно долго. И я стала понимать – что-то не так с этой заморозкой...

Видите ли, я всегда числилась отличницей, очень сообразительной девочкой, быстро угадывающей правила игры или чье-то желание, пусть даже они не имели решения или не произносились вслух.

И через какое-то продолжительное время этой молчаливой заморозки, оказавшейся просто ловушкой, которая в то же время дала возможность отдохнуть, даже привести мысли в порядок, разложить факты по полочкам причинно-следственных связей, а то, что не укладывалось в логичное, – рассовать, как придется, подождать и понять... Что пауза слишком затягивалась, обратившись смертельной невыносимым ожиданием, не заканчивающимся, казалось, ничем и никогда, и мне пришлось-таки встрепенуться и посмотреть вниз, что бы с огорчением увидеть, как Бася значительно удалилась, потонув в брызгах водопада, почти столкнулась с белой пучиной. Меня больно дернуло током от увиденного; шквал догадок, сменяющихся горькими предчувствиями и возобновившемся потоком мучительной совести, вернули к жизни... (Если это можно было бы назвать жизнью, конечно).

Стало понятно, что паузы являются ни чем иным, как просто отсрочками между тем, что неминуемо ожидает впереди. Паузы настолько же бесконечны, как движение этого каменного скоростного лифта, пролетевшего уже сотни тысяч этажей, наверное... Эти мнимые передышки зависят от моей воли, а вот увеличивающееся расстояние, которое разделяло нас с Басей, к сожалению, было подвластно нам обеим. И Бася значительно преуспела, почти вырвалась из этой каменной ловушки. Бася догадалась, как это сделать... я нет.

На всякий случай я попробовала вновь отключиться и замирала, как в первый раз. Но быстро, ненадолго, – раздражала мысль, вырывавшаяся из потока лживого спокойствия, что Бася отдалась чрезмерно и, возможно, намеренно.

Эта игра в падающую Алису и ее дыру в Стране Чудес мне смертельно наскучила. Когда при жизни до прыжка в пропасть, мне становилось скучно – я очень сильно злилась и, по моему, превращалась в монстра. Поэтому злость в моем случае являлась отличным двигателем на пути к цели. Цель моя – Бася.

Наконец, резко выгнувшись, я поймала-таки визгливую тварь и вырвала ей хвост, она сипло пискнула от боли, а я закинула ее расчлененное тело в радугу.

– Хорошо! – зло крикнула я световой иллюзии, будто та являлась моим истинным врагом. При этом было странно слышать свой охрипший голос, удивительно похожий на предсмертный визг мертвой крысы. (Еще бы! В таком холоде не только голос, все тело можно отморозить). – Я все поняла! Мне надо понять, почему это случилось, да? – Повернувшись к каменному лифту, не перестающему мчаться в никуда, я желчно усмехнулась чьей-то злобной шутке, понимая трагичность ситуации, ведь теперь мне, как недавно моим пациентам, придется отчитываться и искать причины своих неудач и проблем, копаясь в прошлом. – Хорошо! Согласна! Жизнь моя прошла так, что по ней вряд ли будет плакать даже моя собачка.

Перед глазами вдруг возник Бублик. И волна пустых слез неожиданно подступила к горлу. Я даже и не подозревала, что щенок, проживший возле меня считанные дни, может вызвать такую дикую тоску, ведь давая ему имя в честь, ничего не значащего пшеничного хлебца, имелась в виду пустая дырка по середине... Или нет? – Я не помнила от чего была эта дырка... это всплывало болью и опять возвращало туда, куда не хотел погружаться мой разум... Я только помнила, что Бублик являлся моей единственной и верной компанией, пусть даже в течение нескольких коротких дней, составлявших для него всю жизнь. Он не покидал меня ни на минуту, с серьезным видом сопровождал по дому, являлся лучшим другом, кому я доверяла, как самой себе.

Последние мысли тяжелым полотном накрыли сознание, огромный колючий ком сдавил дыхание. Странное происходило с моим зрением: чем больше я всматривалась в знакомую щенячью морду, тем яснее за ней проступало нечто иное.

И я стала понимать... Эти картинки проявлялись вне времени и пространства, просто потому что вызывались по команде моего разума. Но за проступающими образами стояло еще что-то: каждое мгновение открывало скрытое ранее, отвечало на волнующие вопросы расплывчатыми сюжетами. Будто в виртуальной реальности я могла дотянуться до любого образа из памяти, неясного предчувствия, потаенного страха, вытащить его и посмотреть под другим углом, узнать правду, и уже по-иному воспринять произошедшее.

– Это не Бублик, – отрешенно констатировала я, прикусив губу. Голос, который еще мгновение назад бубнил и перебивал все мысли, молчал, что стало немым подтверждением. Я догадалась, что совесть больше не вернется, ибо теперь она – это я, а также, судья, присяжные и палач, все в одном лице.

– У меня только один маленький вопрос, – зло процедила я каменному лифу, за неимением других собеседников, – почему раньше всего этого я не знала и не чувствовала? Почему меня никто не предупредил?! ЭТО НЕ МОЯ ВИНА, ЧТО ВСЕ ТАК СЛУЧИЛОСЬ! ПОЧЕМУ ТОЛЬКО СЕЙЧАС?! – Когда уже так поздно...

Никто не ответил. Виртуальная реальность была насыщена деталями, но в ней отсутствовал разум. Это знание не требовало доказательств. Единственными одушевленными сущностями, присутствующими сознательно в ней, являлись я и Бася. Каждая мелочь кричала своим бездушием; видимо, Бог умер и оставил мир для таких, как я и моя подруга, чтобы мы почувствовали великое одиночество без него. Нам оставалась лишь надежда, что он, возможно, вернется и обратит свой глас или справедливую кару на нас, как в свое время моя собачка с надеждой ожидала любого знака внимания, чтобы броситься с любовью ко мне и ощутить вселенское счастье.

Если и Бася оставит меня в этот водяном месиве – это будет по-настоящему кромешный ад. Вот, чего я боялась больше всего... Даже сейчас...

Меня вдруг подцепила мысль, по-видимому, моя подруга проходит те же круги познания, или те же круги ада, что и я. И мне стало мучительно страшно, что ее острый ум продвинется намного вперед и оторвется навсегда. Если бы зависнуть здесь вместе, в этом бестолковом потоке воды и воздуха, я считала бы этот ад – раем.

Все-таки люди глубоко ошибаются, думая, что ад – это кровавые пытки в пылающих кострах, ужаснее всего – это зависнуть в пространстве в ожидании чего-то, что не наступит никогда... И знать, четко знать, что тебя забыли навсегда...

* * *

Хорошо, – мысленно согласилась я сама с собой, – Согласна... Правила игры принимаются.

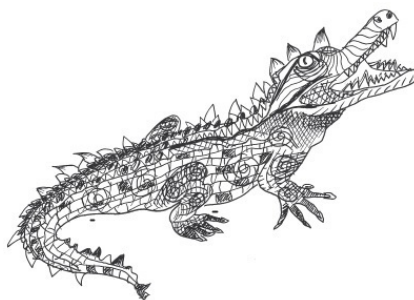
Помолчав в ожидании ответа, которому не суждено было быть озвученным по причине отсутствия собеседника, я сердито закрыла глаза, пытаюсь сконцентрироваться. Раньше именно это являлось моей работой – сохранять ясность ума.

* * *

С досадой вздохнув и деловито сложив руки на груди, представляя, что всего этого водяного-каменного антуража нет, и он действительно вдруг померк, я оказалась у себя в кабинете, в любимом кожаном кресле, где в свое время, работая психологом, выслушала всякую чепуху, рассказанную жалующимися на жизнь неудачниками и неудачницами о депрессиях, страхах перед будущим, безрезультатных поисках себя, отсутствии понимания у противоположного пола, нереализованных амбициях и т. п., и т. д., и пр... И из недели в неделю, словно добрая мамочка вместе с ними, мы копались в этом ворохе чужого нижнего белья, где я советовала заняться каким-нибудь хобби или йогой, отправиться в путешествие, чтобы успокоить нервы, в то время, как вокруг, прямо у нас на глазах, разворачивалась настоящая бойня. И я самолично попала в эту мясорубку, стоило только слегка проснуться и, словно кукла, широко раскрыть глаза на весь этот кошмар.

Кресло напротив не пустовало... Сначала неясно, но потом четче стал проступать образ собеседника, а через мгновение, круглое кресло на стальной ножке крутанулось, и передо мною появилось знакомое когда-то лицо – Кристина...

Так меня звали много лет назад.

Глава 4. Кристина

Меня передернуло, обдавая ледяным ветром, изо рта вылетело снежное облако... Кристина, не обращая внимания, сосредоточенно уставившись на свои руки, молчала, ожидая начала сеанса.

Я всматривалась в нее с большим любопытством, не узнавая себя, если честно. Воспоминания накатывали волнами: где-то в районе сердца екнуло от вида естественного блеска русых пшеничных волос, моего натурального цвета, уложенных в солидный пучок заправского психолога. Розовые щеки и пухлые губы с блеском гигиенической помады светились мягкой женственностью, также исходившей от идеально выглаженной белой блузки, синей юбки и милых часиков (подарка папы на окончание университета) на беленьких ручках с французским маникюром. Каждое утро субботы уходило на поддержание этих белых линий на розовых пластинках ногтей. Они завершали образ того, «у кого все хорошо», даже идеально, жизнь контролируется настолько, что в ней не может произойти ничего экстремального или необычайного.

Я слегка кивнула ей и, откинувшись в кресле, с интересом стала слушать ее историю.

– Мне легко и даже радостно вспоминать этот период жизни. Самое счастливое время, как мне казалось, – улыбнулась она.

– После пионерского лагеря и встречи с Басей, я поняла, что рядом с ней превращаюсь в другого человека: открытого, свободного, настоящего... Но жизнь разлучила нас и мы потерялись на долгие года. Словно сирота, которая страдает и плачет по зову крови своих родных, поначалу я рьяно рвалась к своей новой подруге. Но это было невозможно. Мы были слишком юны и не принадлежали себе. Прошло время, в быту и заботах, в новых знакомствах и подарках, уговорами мамы я отвлеклась. Меня всячески убеждали, что та встреча, те разбуженные силы просто приснились мне. И я под их натиском забыла Басю... Точнее, она исчезла из моей памяти, аккуратно стертая ластиком маминых стараний. – Кристина нервно заморгала. – Говоря психологическим языком, мое подсознание скрыло болезненное расставание с подругой, полностью покрывая его мраком беспомысленности. Эта яркая вспышка какого-то безудержного счастья погасла, а вместе с ней угас и образ Баси. Как и увещевала мама, мне стало казаться, что все было сном или произошло не со мною. Сладко-горькое послевкусие той поры превратилось в неясные воспоминания, похожие на сновидения или предчувствия, будто у меня однажды получилось взлететь в небо без крыльев...

Мама сказала, что Бася уехала в другой город другой страны и никогда уже не вернется, а меня ждала моя счастливая судьба и от нее нельзя было отвлекаться. – Голос Кристины казался жалобным, это очень удивило меня. Давно мне не приходилось жаловаться или чувствовать вину. Я усмехнулась. Она продолжала.

– Каждый день меня ждали завтраки и обеды, занятия и кружки, дни рождения и вечеринки друзей, поездки в музеи и зоопарки... Подарки.

Время пролетело незаметно, хотя в реальности произошло много событий: я успела окончить университет, тот, что ранее закончила моя мама, получить дополнительные международные сертификаты и специальности, которые мне было необходимо получить, по мнению мамы... Много и часто путешествовала, я даже успела выйти замуж... Потом всей семьей мы переехали из неблагоприятной, режимной, полу разваливающейся России, жить к морю и уже с мужем, живя по соседству с мамой, начали обустраивать свой собственный дом с небольшим садиком. В карьере, и тут уже стали проявляться мои личные способности и таланты, ждали лишь сплошные взлеты: совет университета признал меня, как выдающегося студента курса, вручая по окончанию замечательные рекомендации. Одна из уважаемых клиник тут же предоставила кабинет для приемов, по округе стала ходить добрая слава о моем высоком профессионализме и люди делились хорошими рекомендациями, что делало рекламу. Лист ожидания

рос, и запись велась на месяцы вперед. Такими достижениями и взлетом не могли похвастаться даже заслуженные специалисты уважаемого университета.

Особенно больше нечего сказать про этот период, кроме того, что все это, в том числе и моя свадьба, были результатом ежеминутной поддержки, помощи, содействия и непрерывного участия в жизни – мамы.

Печально опустив глаза, Кристина, сделала паузу. Понадобилось какое-то время, чтобы образ родительницы стал проступать через закрытые веки. Это было почти потерянным воспоминанием, не смотря на то, что когда-то она являлась главной героиней первой половины жизни...

* * *

Внезапно мы переместились в светлое помещение с большими окнами, с видом на синее колышущееся море; веселенькие незатейливые занавески раскачивались в такт морского дуновения...

Кристина облегченно вздохнула, узнав кухню своего старого дома. Облегчением было оказаться именно здесь, а не в доме матери, пропахшем специями и всевозможными приправами и каким-то неприятным духом чего-то неживого, – мать обожала готовить и считала себя настоящим кулинаром, а также специалистом во всех областях жизни. Из уважения или, боясь обидеть, а может, в страхе нарваться на порой грубый ее комментарий, ни один из ее гостей не решался сказать правду о невкусных обедах и пересушенных пирогах. Все ели и тактично хвалили яства. Мать также гордилась обстановкой своего дома, где по собственному вкусу и по советам модного глянцевого гида о правилах высшего света – все переокрасила в неприятные коричневые тона, хита того сезона, который скрадывал солнечный свет и лишал жителей дома их собственных теней. По фен-шуй или еще какой-то популярной методе, гулявшей в эфире сарафанного радио маникюруш нашего городка, она расставила сухие пыльные гербарии, ранее созданные собственноручно на мастер-классе жрицы тех же женских кулуаров, в каждом углу. Эти сухие ветки, нещадно сыпавшие семенами на пол, контрастировали с резной золоченной мебелью, купленной и расположенной скорее напоказ, чем для реального пользования, ибо сидеть в ней было неудобно. Однако вычурная мебель, к слову сказать, почти не использовалась, мать редко приглашала в дом гостей: женская ревность к отцу, неприятие критики и подозрительность к посетителям побеждали в споре с фанфаронством. Зато Екатерина Леонидовна сама предпочитала ходить в гости, куда, впрочем, ее активно звали, ибо она слыла бодрой собеседницей, всегда имела что сказать и не упускала возможности вставить свое веское слово и про политику, и про моду, и в особенности по вопросам психологии, своей непосредственной специальности и личной страсти. И все громко, гласно, воодушевленно и безапелляционно, нетерпяще возражений. Любой разговор сводился обязательно к излюбленной теме домоводства, психологического роста и развития личности. Сотни раз повторяясь, Екатерина Леонидовна не уставала делиться своим персональным успешным опытом создания необыкновенной ауры дома, способствующей счастью семьи. Также моя мама не чуралась отпускать порой нескромные комментарии по случаю и без, считая свои советы благотворительностью и актом человеколюбия, ибо за то же самое в часы приема у себя в кабинете она брала деньги.

Однако аура в доме была неблагоприятной, и это мог ощутить любой желающий: то ли гербариев было недостаточно, то ли дело было совсем не в них, но дома у Екатерины Леонидовны было затхло и неуютно, поэтому и она лично предпочитала проводить практически все свое время у меня в гостях. К счастью, на тот момент, когда она обустроивала мое жилище, находящееся по соседству, в моде бродили другие тенденции, кричащие аляповатыми картинками морских корабликов с глянцевых обложек, и мой дом превратился в лазурно-бирюзовое царство.

Собственно я не сопротивлялась ее повышенной заботе, которая со временем стала чем-то естественным и даже необходимым, ибо снимала с меня большинство обязанностей, которые тяготили мой дух. Вспоминая тот период, мне казалось, что я живу в ожидании настоящей жизни, что обязательно наступит другое завтра, где буду только я наедине со своими желаниями. Поэтому позволяла кормить и одевать себя, водить за ручку, даже выбор профессии стал естественным следствием традиции в нашей семье. Честно говоря, я даже не задумывалась тогда о других вариантах, а еще точнее просто не могла пойти наперекор ее мнению, ведь мать столько сделала для меня, о чем никогда не забывала напомнить. В таком случае, вернуть долг или как-то отблагодарить являлось невозможным и непосильным делом; любое противоречие или самостоятельный выбор рассматривались ею, как удар в спину. Поэтому знакомство с будущим супругом, сыном ее хорошей знакомой, празднование свадьбы, выбор платья для торжества, приглашение друзей – все было согласовано с ней.

Единственным случаем, вспыхнувшим взрывной волной копившейся потаенной ярости, стал мой прорезавшийся голос отчаянного противостояния чрезмерной опеке, а точнее откровенного воровства моего жизненного пространства и воли. Когда сразу же по приезду из лагеря меня стало выворачивать от домашней еды, началась аллергия на одеваемую и выбранную не мной одежду, кожа покрывалась чешуей нейродермита в ответ на лживые увещевания и убаюкивающие объятия. Мать была в ужасе, когда я прямо отказывалась слушать про взросление и эволюцию сознания, про личностный рост и прочие бредни, раздраженно затыкая уши руками и закрывая глаза, чтобы не слушать и не видеть ее психологические пляски вокруг.

Впрочем, забегаю вперед, упомяну, что идея эволюции сознания сыграло плохую шутку с ее же страстной почитательницей.

* * *

Кристина вдруг подняла голову, взглянув мне в упор, на губах играла недобрая усмешка.

От этого занятого разговора сама с собой, от полного чертовщины взгляда, мое сердце бешено заколотилось. Я совсем забыла о падении и страшном рокоте водопада, воспоминания окончательно растворились в морском бризе, влетавшем в окно кухни, где готовила Кристина, лениво нарезая что-то на разделочной доске, продолжая свое повествование.

– Я помню этот день очень хорошо, хотя все другие стали похожи на отрывные листики в перекидном календаре, теряемые где-то в прошлом...

Мама, как обычно перебирала или перемывала за мною посуду на моей кухне, душевно перекидываясь ничего незначущими фразами с моим мужем, послушно сидевшим в столовой и ожидавшим обеда, приготовленного мною под ее командованием:

– Знаешь, в последнее время семинары собираются с трудом... Не понимаю, что творится с людьми: они предпочитают зеленых сопляков, этих выскочек, только-только получивших диплом, которые еще жизни-то не повидали, серьезным профессионалам с опытом и мозгами...

Это был старый разговор. Как обычно, в полусне, где-то в потаенной глубине дремлющего сознания, в невидимом блокноте грубостей моей матери, я отметила галочкой механический укол, камень, брошенный в мой огород, на счет успеха «зеленых сопляков» и «выскочек». Но машинально молча продолжала что-то резать под неусыпным контролем с ее стороны, сопровождаемая непрекращающимися жалобами в адрес нерадивых идиотов-клиентов, перемешанных с выкриками в сторону столовой, куда ее также хватало давать советы или высказывать мнение по тому или иному поводу.

Безусловно, для меня не было секретом, что поверхностные советы, элементарные пробы в образовании, бескультурье, граничащее порой с хамством в психологической практике моей матери распугивали большинство пациентов. Тех же, которых она успела взять в оборот и

мертвой хваткой не выпускала из своих лап, непрофессионально записывая в друзья и знакомые, ждала со временем одна участь: или превратиться в безвольных рабов, проглатывающих все, что советует Екатерина Леонидовна, это был вариант моего отца, мужа, меня и ближайшего окружения. Или их ждали муки ада – скандалы, разуваемые до вселенских масштабов, рассекреченные клиентские истории, доводимые до ядовитых сплетен по округе.

Отец. Вдруг этот образ возник из неоткуда и мое незримое присутствие наткнулось на эту темную фигуру в провонявших пропыленных коридорах родительского дома. Его лицо было размыто, как и лицо моего бывшего мужа. Впервые я задумалась над схожестью этих двух персонажей из прошлой жизни, но тут же отдернула себя, вспомнив исчезающие голени Баси в смертоносном водопаде. Страница с грохотом захлопнулась, оставляя неприятное послевкусие скрипящей пыли на зубах.

Однако настроение от предвкушения грядущей сцены разбилось о сгорбленную фигуру отца, превратившегося в старика за то время, что я не видела его. Мне не хотелось оборачиваться, зная, что он стоит позади; старческий запах, приправленный карри, паприкой и вонючей пылью, застрял у меня в носу.

Мне вдруг стало больно в области сердца... Жалела ли я когда-нибудь, что выбросила прошлую жизнь, как провонявшую старую кофту, со всеми воспоминаниями о родителях? – Никогда!

– Если б нужно было выбирать заново – я бы поступила точно также, не задумываясь, – твердо сказала Кристина.

Но впервые в жизни что-то тяжелое легло на сердце, и я почувствовала вину перед фигурой, что молча повисла сзади...

– Хотя, какая вина?! – зло спросила Кристина, будто почувствовала осуждение с моей стороны. – Я всего лишь последовала совету матери, который она обожала повторять, словно мантру: «Ребенок – гость в твоём доме: накорми, обучи и отпусти», – и молодая женщина, забавно склонив голову набок, чтобы лучше видеть лицо отца, шутливо подмигнула ему.

* * *

Однако боль не унималась и мне представилась такая картина: однажды утром какого-то вторника, мой отец, как обычно, откроет свою газету и прочтет новость, которая изменит его жизнь навсегда. Я умерла.

И сухое, серое, когда-то красивое мужественное лицо, исказит гримаса невыносимой муки. Даже в его черством, как мне считалось, сердце, теплилась надежда, что мы еще встретимся, будет шанс что-то изменить или поправить, хотя бы поговорить...

Так и не оглянувшись, я чувствовала его сожаление и отчаянную безысходность от сознания потерянности прожитых лет и совершенных ошибок.

Дело в том, что в свое время отец был военным, успешным командиром, под начальством которого ходило множество храбрых подчиненных. Потом произошли разные события: смена режима и руководства в стране, сердечный приступ, измены на работе, крах карьеры, переезд в другую страну. И отец, жизнерадостный оптимист, который каждый вечер, приходя домой, первым делом брал меня на руки и полчаса кружил по дому, рассказывая разные прибаутки и веселые истории, вдруг превратился в совершенно незнакомого мне человека – отстраненного, грустного, черствого истукана.

Мне было пять лет, когда произошла эта подмена, ставшая шоком для той маленькой девочки. Но и этот стресс забылся: отстраненность, холодность отца стали обычными, а радостные года покрылись пылью беспомысленности, так знакомой в доме моей матери.

Не задавая вопроса, я неожиданно получила ответ – эта жестокая перемена, сменившая ласки и доброту отца на равнодушие, были лишь ширмой, за которой прятался труп моего

родителя. Мой отец умер, когда мне было пять лет, и лишь по чудесной случайности, его тело продолжало жить, исполняя обычные человеческие потребности и обязанности.

Он от всего сердца просил у меня прощения, безмолвно, не смея окликнуть имени...

Я не оборачивалась. Даже если так – какая теперь разница? Я сама почти мертва, папа.

Он заплакал, а я резко задернула ширму, задвигая образ туда, откуда он возник. Хотя в сердце чей-то голос тихо прошелестел, что все еще можно исправить... Я не прислушалась.

* * *

– Все тяжелее стало собирать группы, не пойму с чем это связано... – продолжала жаловаться мама. – Мое мнение – люди просто глупеют, психологи нужны умным и активным, а большинство превращаются в стадо баранов, читающих гороскопы, – я опять машинально сделала галочку в невидимом дневнике: Екатерина Леонидовна обожала всякие гороскопы и нумерологию, часто и с охотой зачитывала вслух домочадцам и пациентам их грядущее. – Хотя недавно меня порадовала твоя подруга... Честно сказать, не ожидала увидеть ее на своих лекциях. Вообще не думала, что людям такого класса нужна помощь психолога, – съехидничала женщина, что-то доставая из духовой печи. – Видимо, богатые тоже плачут...

Я, как обычно, пропустила все мимо ушей, если б она не продолжила:

– Но, все-таки странно, что такой самоуверенной девушке, как Бася, понадобилась психологическая консультация... – я ошеломленно опустила руки, которые повисли вдоль тела, а тарелка, сначала застывшая в воздухе, с грохотом разбилась о плиточный пол. Меня обдало обжигающей волной, от которой внутри появилось нестерпимое жжение. Мама недовольно посмотрела на пол, будто разбилась ее любимейшая тарелка на ее любимой кухне.

– Сегодня проводила семинар для людей, считающих, что страдают депрессией. Ну ты знаешь лучше меня, бла-бла-бла... Этим с депрессией лишь бы не работать, – продолжала балаболить мать, собирая остатки посуды и неся ее в мусорный бак.

– Бася?! – хрипло спросила я.

– Да, твоя сумасшедшая подружка-звезда, – шутливым тоном продолжала мать. – Я думала она пропала без вести или того хуже очоурилась от наркотиков, что употребляла пачками. Обычно, такие долго не живут и уж тем более не выглядят так шикарно... Хотя большие деньги могут совершить и не такое чудо, – захихикала Екатерина Леонидовна.

Жжение нарастало и меня всю заколотило изнутри, будто от сильной изжоги, готовой кипящей серой вот-вот вылиться наружу. В ушах зашумело, изображение поплыло, я и сама не поняла, как нож оказался в моей руке, а уже в следующую секунду он летел в сторону моей матери, которая удачно наклонилась над мусорным баком, стряхивая осколки.

– Ты можешь говорить нормально?! – взревела я, не узнавая своего раскаленного от ненависти голоса. Она ошарашенно уставилась в воткнутый в стену нож и, изумленно обернувшись, в страхе прикрыла рот рукой, так и продолжая сидеть на корточках у мусорного ведра.

Я посмотрела на нее так, будто со всего размаху ударила ее по щеке. Но это была не просто оплеуха, в моем сознании я без жалости избивала ее с такой злостью, будто мечтала об этом всю свою жизнь. Этого всего не происходило в реальности, но через взгляд ей передалась сила моих намерений.

Кстати, это был последний раз, когда я видела маму. Именно такую я ее и запомнила: на полу, испуганную и пораженную, притихшую и присмирившую. В дверях показалось изумленное лицо моего мужа, которое тут же размылось за ненужностью и незначительностью.

Раздался телефонный звонок. Я знала кто мне звонит. И еще до того, как поднять трубку громко расхохоталась, на глазах выступили слезы. Со стороны это выглядело безумием. Так не радовалась я даже своей свадьбе, думая, что брак подарит мне свободу.

– Ну, привет, – сказала Бася, я продолжала смеяться уже в трубку. – Где у вас тут ближайший порт?

– Что? – счастливо спросила я.

* * *

Уже через полчаса я бежала к причалу, задыхаясь от предвкушения нечаянной, но долгожданной встречи.

На моей памяти возникает множество совместных счастливых поворотов, по большей части крутых финтов вверх и вниз, похожих на виражи американских горок, но тот праздничный торжествующий миг встречи я помню, как сейчас.

Большая белоснежная яхта какого-то неземного перламутрового сияния игриво причалила прямо к моим ногам; резвые ребята, словно оловянные солдатики в бело-синих матросках, повискакивали из ее нутра и стали шустро привязывать стальные края, а потом так же весело вытащили блестящий на солнце трап с бархатными кисточками и раскатали красную ковровую дорожку. И через мгновение вышла она...

Кристина замолчала, прикрыв глаза, будто засветило яркое солнце.

Открыв их, я увидела Басю.

Словно богиня, в развивающемся шелке великолепного одеяния, в огромной черной шляпе с полями, кокетливо скрывающей лицо, оставляя для любования лишь алые губы, на которых играла загадочная улыбка, она под услужливую руку капитана яхты, снизошла на берег мягким облаком, обволакивая все вокруг ароматом дорогих женственных духов. Мы посмотрели друг на друга, и она молча опустила в мои объятия.

Я хотела кричать от счастья. Все мое существо, собравшись в какую-то единую точку, превратилось в сплошное наслаждение от прикосновения, звука и аромата, исходивших от моей подруги. По проникновенным объятиям Баси, я поняла, что в отличие от меня она помнила наше лето всегда. Все еще держась за руки, не отпуская, она сказала:

– Ты свободна этим вечером?

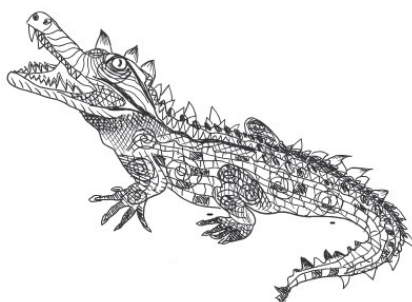
Что можно было ответить? Я была свободна для нее **НАВСЕГДА!**

– У меня сегодня вечером намечен важный ужин, поехали вместе? – и она потянула меня за руку на борт яхты, не дожидаясь ответа.

Я опешила от такого поворота, но поддавшись сладостному желанию следовать за Басей повсюду, куда бы она не позвала, я с удовольствием вспорхнула на перламутровое судно с красной ковровой дорожкой.

– Наверное, надо забежать домой переодеться? К ужину? – нелепо промямлила я, когда на меня обрушился новый поток сюрпризов.

– Купим все по дороге...

Глава 5. С корабля на бал

Это был тот самый день, перевернувший всю мою жизнь. Мы поплыли в главный порт нашего побережья, заходили в самые дорогие и уважаемые магазины столицы. Бася, не меряя, просто скупала то, что нравилось ей для себя и для меня.

Мой бюджет раньше позволял периодически заглядывать в подобные элитные бутики, чтобы приобрести брендовую сумочку или очки, сапоги или одежду, но я никогда не смогла бы позволить себе скупить всю новую коллекцию. И так из магазина в магазин. Нас сопровождали морячки, которые уже переоделись в фирменные пиджачки и бесшумно следовали повсюду, по дороге обрастая блестящими пакетами с нарядными бантами, походя на счастливых женихов перед свадьбой. Помимо морячков, которые вскоре удалились, так как не могли унести все покупки, нас сопровождал Дэн. Огромный, словно гора, человек, с деформированным черепом питекантропа, в сосредоточенном взгляде которого, читалась молчаливая угроза и какая-то дикость. Этот странный человек, не смотря на весьма нестандартную внешность, тем не менее, был безупречно одет и последовательно шел за нами, держась на почтительном расстоянии. Как мне стало понятно, его задача состояла в том, чтобы держать на контроле всех, кто желает приблизиться или обратиться к Басе. В начале меня это немного коробило, я чувствовала на себе его пристальный угрюмый взгляд, в котором не могла прочесть никаких эмоций, кроме предельной сосредоточенности, но по мере того, как мы все больше и больше втягивались в процесс упоительного шопинга, я перестала замечать его и всех остальных. Бася шутливо подмигнула мне: «Это правильно». Честно говоря, я ожидала объяснений от подруги, а так как их не последовало – приняла Дэна, морячков, кучу подарков, яхту и наше фееричное настроение за реалию жизни, не требующую никаких оправданий. Просто праздник! Мне было все равно зачем Басе охрана, и вообще вся эта свита. Она безудержно хохотала, заражая меня своим смехом, фантастическими шутками, параллельно в общих чертах рассказывая о своей удивительной жизни, годах, что разлучали нас, и мимоходом невзначай задавала вопросы обо мне. От шатания из магазина в магазин, смеха, мы так проголодались, что съели все, что нам предложили в ресторане. Замечу, заказ столиков в этом заведении обычно осуществлялся за месяцы вперед. Однако Бася показала какую-то карту, точнее ею помахал Дэн, вдруг возникший за нашими спинами с сумочкой Баси, и нас без разговоров усадили у самого лучшего столика, у окна с видом на весь город. Дэн сел в баре. Так как с последнего этажа небоскреба сбежать мы не могли, он больше не смотрел на нас и тоже поглощал с удовольствием заработанный обед.

Бася заказала шампанское по случаю встречи, однако сама практически не пила.

Все было удивительно! В моей голове роем копошились вопросы, которые неловко было задавать, но любопытство выливалось из меня через не меркнущую улыбку и глаза, полные радостного изумления и какого-то предвкушения.

После обеда нас ждал парикмахер, причем самолично владелец самых известных в нашем городе салонов красоты. Однажды моя мама посетила это разрекламированное в глянцевых изданиях фешенебельное заведение, и осталась крайне недовольна по большей части выставленным счетом, размером с половину ее ежемесячного дохода. Однако, цвет и стиль, выбранный в салоне, оставался неизменным на долгие годы, хотя со временем, приписался личному вкусу Екатерины Леонидовны, всегда безупречному и истинному.

* * *

Когда на меня надели халатик и отправили на покраску, не спросив собственно пожеланий, я и тут решила поверить шутливому взгляду Баси, молчаливо приглашающему рассла-

биться и отдаться в руки профессионалов. Она блаженно прикрыла глаза от пенного массажа головы. Ею занимался самолично хозяин заведения.

Когда меня повернули к зеркалу, а до этого момента подруга просила не подглядывать за результатом, – я обомлела. Первая мысль, которая пришла в голову, и она показалась мне совершенно ненормальной, что я вижу в отражении Басю... Всмотревшись, конечно же, разглядела себя, но новую, ранее не виданную – сногшибательную эффектную блондинку с озорной улыбкой на алых губах.

Мы не были близнецами, но сходство явно бросалось в глаза. У меня по коже побежали мурашки от такой мистики, а люди в салоне переглядывались и шептались. Дэн внимательно наблюдал за мною, я тоже посмотрела на него и подмигнула так, как это делала Бася. Нервная судорога и легкий перекос на его лице не остались незамеченными моим профессиональным взглядом психолога. Это перемигивание не укрылось и от Баси. И мы громко рассмеялись, сами не понимая причину этого недоброго смеха. Я была счастлива, как тогда в детстве. Это было счастье без причины... Абсолютное безусловное счастье. Бася обняла меня сзади и ласково, по-сестрински, положила голову на плечо. Я чуть не прослезилась.

Далее нас ждал важный ужин, который на самом деле оказался настоящим балом в честь какого-то важного события одного клуба, куда входила Бася. Сотни дам в роскошных вечерних нарядах, сотни джентльменов в идеальных сидящих смокингах и шампанское рекой, как наше настроение этой ночью.

Подобные приемы я могла наблюдать лишь со страниц журналов, коими зачитывалась моя мать, выписывая и запоминая последние тенденции высшего света.

Бася предупредила, что исчезнет на часок другой, для нее этот праздник являлся деловой встречей. Мне показалось удивительным и фантастическим, – посещать подобные балы в качестве работы. Я сравнила свои будни, полные бестолковых по сути жалоб, повторяющихся из приема в прием, что иногда хотелось треснуть клиентам по макушке, и лишь грустно вздохнула, отгоняя мысли о неминуемой встрече со своей настоящей реальностью, где мне уже уготована долгая мучительная пытка за сегодняшнее происшествие с ножом и побегом.

Однако вечер был необыкновенно хорош, чтобы портить его ожиданием домашнего террора. Я прогуливалась по старинному венецианскому особняку, ловя восхищенные взгляды со всех сторон, но, не отвечая взаимностью. Я была просто счастлива, большее казалось лишним.

Бал закончился королевским фейерверком и бурными аплодисментами. В тот момент мне показалось, что я оторвалась от реальности и оказалась где-то на другой планете. И самое главное, Бася находилась рядом.

* * *

Мы вернулись на лодку. Ни смотря на насыщенный день, я сияла и была полна энергии, готовая отправиться на новые приключения или заново пуститься в пляс. Однако все больше закрадывалась отчаянная мысль, ставшая омрачать остаток вечера, что сейчас пробьет двенадцать часов и волшебное платье с хрустальным настроением разобьются вдребезги – неминуемо предстоит вернуться в место, еще утром называемым «счастливым домом».

Бася плюхнулась в кожаное кресло напротив и деловито закинула босые ноги на стеклянный столик:

– Крис, а ты не думала сменить жизнь?

Мои брови удивленно поползли вверх.

– Мне тут пришло в голову, что тебе надо бежать из того болота, где ты сейчас прозябашь, – удивлению не было предела, она читала мои мысли. – Правда, Крис... Я тут на днях забежала на лекцию твоей мамочки. Надеюсь, ты не обидишься, если скажу, что она полная дура?

Ее зеленые прозрачные глаза стали стеклянными, как у куклы, в них читался вызов и злая насмешка. Мною вдруг овладело какое-то невероятное веселье: первый смешок вырвался сам собой, перерастая в волны безудержного хохота. Не в силах сдерживаться, я схватила за живот и стала перекатываться по дивану, вздрагивая от спазма глухого подавленного гнева. Бася, будто не замечая моей истерики, продолжала рассказывать о бездарности моей матери, подбирая такие выражения, что из моих глаз брызнули слезы. Ее саркастические наблюдения прошли по всей дурусти, ханжеству, цинизму и элементарному скудоумию Екатерины Леонидовны. Бася тонко подметила бескультурье, невежество известного в городе психолога. Ей понадобилось прослушать всего лишь пару часов одной лекции, чтобы понять истинную сущность и составить точный психологический портрет моей матери; ничего не укрылось от зоркого взора подруги. И если бы существовала необходимость, она высказала бы свой вердикт прямо той в лицо, вдребезги разбивая спесь четкостью фактов и доводов, не боясь нарваться на нахальство. Потому что в голосе Баси слышался такой металлический звон, схожий со звуком хирургического скальпеля, с силой занесенного над гнойным чирьем пациента, что вряд ли моя мать решилась бы возражать. Екатерина Леонидовна впадала в скандальные перепалки только с теми, кто не мог бы ей как следует ответить.

Все подавленное, замолчанное, скрытое мною, высказала Бася и именно в тех выражениях, которых заслуживала Екатерина Леонидовна. Моя мама.

В то время как мой истерический смех воскрешал забытый голос правды, взятый в заложники чувством вины и обязательствами перед дочерним долгом, я приходила в себя. Бася продолжала серьезно беседовать, но уже перешла к другой теме:

– Крис, я присутствовала на твоих семинарах... Ты – гениальный психолог...

– Ты была на моих семинарах? – охрипшим от смеха голосом изумилась я.

– Да, на социальной площадке, где ты проводишь в большом зале. Воочию видела, как ты работаешь. У тебя невероятный потенциал! Правда! Так тонко, практически незаметно ты подстраиваешься под клиента, чувствуешь то, что чувствует он... становишься им. Все они, даже сидевшие в зале, поддаются твоему обаянию, свету, который исходит от тебя в этот момент. Я

видела свет, клянусь! И конечно, безропотно отдаются в твои руки, и ты меняешь чип... Ап! Они уходят другими, измененными... Это похоже на пластическую операцию. – Бася покивала головой в знак восхищения. – Невероятно! Это талант, Крис, открывающий невероятные возможности, о которых ты даже не подозреваешь.

Мне стало неловко от ее слов. Действительно социальные группы пользовались большим успехом, однако никто еще не высказывался о моей работе так высоко. Мать и прочие коллеги считали, что мои подходы в психологии слишком авангардны и экспериментальны, что я слишком многое позволяю в терапии, и, не смотря на положительные результаты, великолепные отзывы и статистику, относили успех за счет везения.

– Крис, вопрос в другом, – Бася сменила позу и, приблизившись, посмотрела испытующе, – ты хочешь провести всю свою жизнь, забалтывая этих истеричных домохозяек, которые не знают куда деть свой никчемный зад, полный рецептов пряничных десертов?! – Ее лицо неприятно скривилось, будто она дотронулась до чего-то гадкого.

Я молчала, и мне вдруг почудилось во рту это гадкое послевкусие размокших кислых пряников.

– Прости, но я с трудом представляю тебя слушающую до пенсии рассказы бестолковых идиотов, бляющих о своих мелких никчемных проблемах, а в центре стада самую большую и дрянную овцу, которая... – Бася встала и круто развернулась, лукаво посмотрев на меня вполоборота, – не так уж и сильно ошибалась со своей выдающейся теорией эволюции сознания.

И пока я ошеломленно смотрела на эту нереальную сцену, будто специально разыгранную лишь для одного зрителя, меня, в театре иллюзий, Бася опять сменила маску на деловито-официальную.

– Хочу предложить тебе работу: мне нужен личный психолог... Не так давно, как ты знаешь, я овдовела. Это серьезный стресс, который еще предстоит переварить. Хочу пережить его правильно и достойно, – скучно вздохнула она, – и лучшее, что можно придумать, это отправиться в долгое путешествие да в компании профессионального психотерапевта, который подскажет, как правильно сублимировать горе утраты. – Бася прищурилась, но в следующее мгновение шумно расхохоталась с присущей ей иронией. Стало понятно, это была еще одна шутка. – Видишь ли, я богатая вдова, могу позволить себе год траура. Что скажешь?

Я изумленно уставилась на нее, не веря своим ушам, мне вдруг стало жарко, в горле пересохло. Бася предложила воды, завидев нездоровый румянец.

– О гонораре не беспокойся, тебя ждет любое вознаграждение какое пожелаешь. Есть идеи? – она внимательно и, как мне показалось, со страхом в глазах ожидала ответа.

Прежде чем задуматься или как-то осмыслить происходящее неожиданно для самой себя я услышала свой собственный голос, показавшийся чужим в тот момент, который без какого-либо разрешения вдруг произнес:

– Мне нравится твоя лодка...

– Отлично! – облегченно вздохнула подруга, – она твоя. Завтра придет нотариус для подписания передачи собственности. – И в ту же минуту вскочив с места, деловито отряхнув несуществующую пыль со своего великолепного наряда, продолжила:

– Позволишь мне быть откровенной до конца? Я не вижу смысла тебе возвращаться сегодня в это болото, не хочу называть это место «домом». Видишь ли, пучина имеет свойство затягивать, даже если у тебя самый открытый и грандиозный ум на свете. Они уговорят тебя, заболтают, загипнотизируют, как тогда... – потускнев, Бася продолжала. – Завтра же мой адвокат свяжется с твоими родственниками и решит все вопросы. Тебе важно забрать что-то оттуда? Желаете получить после развода какие-то ценности?

Я отрицательно покачала головой. Бася удовлетворенно вздохнула.

– Кристина, нас ждет целый мир! Этот удивительный, магический, прекрасный, распахнувшийся объятия только для нас! Бесплатный круиз вокруг Солнца, где на белоснежной палубе

с потрясающим видом на все, что пожелаешь, будем только ты и я, – ее белозубая улыбка ровных красивых зубов лучезарно озарила прекрасное лицо, глаза вспыхнули каким-то магическим светом. В этот миг она была похожа на довольную ведьму, заключившую сделку с дьяволом, где призом стала моя душа или судьба. Я была полностью во власти ее чар: не могла наглядеться на ту силу, которая исходила из светящихся глаз, мерцающей в ночи бледной кожи, переливающихся блеском звезд платиновых волос; не могла послушаться сладких речей о великольном фееричном будущем.

– Скажи, Бася, откуда эта яхта? Где ты заработала такие деньги?

– Дорогая Крис, в нашем мире большие деньги невозможно заработать честным трудом, даже, если ты самый гениальный психолог на свете, даже если ты – президент, даже если ты нашла бриллиант размером с эту яхту. Деньги, в особенности большие, в особенности те, что интересуют меня, стоят жизнью других людей. – И Бася деловито сложила на груди руки, с улыбкой ожидая дальнейших расспросов.

– Что ты имеешь в виду? Ты убила человека? – стараясь не обращать внимания на ее последнюю фразу, поддерживая шутливо-деловой тон, продолжала я.

Ни один мускул не дрогнул на ее лице, она по-прежнему смотрела, переливаясь нежностью и теплотой, будто по-дружески собиралась поделиться со мною рецептом любимого вишневого пирога.

Ее молчание изумило меня. Я восхищенно рассматривала перед собой человека, которого, как оказалось, совсем не знала.

– И что же мы будем делать? Убивать людей?

– Тебе лично ничего не надо будет делать, – мягко улыбнулась Бася. – Я действительно просто прошу составить мне компанию в этом путешествии. Оно запланировано было задолго до того. И мне действительно нужна компаньонка... Последние года являлись не самыми простыми в моей жизни, – и она слегка помрачнела, – не шучу. Так что я вполне заслужила годовой отпуск.

– То есть тебе нужна прислуга в поездке, как в старые времена брали с собой бедную родственницу? – я рассмеялась, не зная радоваться или нет такому предложению.

– Прислуга и охрана у меня уже есть. В мужьях и любовниках я временно не нуждаюсь по понятным причинам. Но мне нужен кто-то рядом. Подруга... – просто ответила она, но вновь вернувшись в деловое русло, заметила:

– И так как время стоит денег, а я понимаю, что отрываю тебя от твоей жизни, пусть даже той, которая засасывает, как болото. Готова оплатить тебе этот год по твоему обычному преискуранту плюс лодка. – Бася лучезарно улыбнулась, и от ее улыбки все мои страхи и нелепые опасения рассыпались, как стеклышки от разбитой тарелки на кухне. Мне даже стало неловко за подозрительность, нерешительность и эти глупые вопросы. В любом случае, я не могла сказать ей «нет». Даже, если бы она позвала меня в прислуги, я все равно бы согласилась.

– Правда, Крис, оставь свои вопросы и тревоги на потом. Впереди целый год завтраков, обедов и ужинов, я расскажу тебе все, что захочешь узнать. Тебе понравятся мои истории, а, возможно, даже пригодятся для клинической практики, – она опять расхохоталась.

Это казалось странным, невозможным, фантастическим! Вот так, с бухты-барухты, отправиться в кругосветное путешествие на возникшей из неоткуда белоснежной яхте в компании подруги юности, которую я совсем не знала, но смутно чувствовала, что она значит для меня очень много.

Однако это было все, чего я хотела! Это являлось моей самой заветной мечтой: чтобы кто-то украл меня из того уютного обустроенного ненавидимого мною мирка, кричащего всеми своими деталями и оттенками, что он не мой. Произошла ошибка, и наконец, справедливость восторжествовала – моя жизнь нашла меня сама. И теперь все будет так, как надо!

Так началось мое сказочное путешествие с Басей, именно сказочное, ибо я чувствовала себя настоящей принцессой.

* * *

На следующий день яхту заполнили адвокаты, работники и домработницы, и чемоданы. Я подписала какие-то документы, на этом подготовительные хлопоты к поездке закончились, и мы отправились за покупками, а уже в ночь яхта отчалила от берега, который вдруг показался каким-то чужим и пустым, хотелось отвернуться и забыть о нем побыстрее. Я сделала формальный звонок матери, направив разговор в русло обиды, чем сильно удивила ее, ибо это являлось ее излюбленным приемом. Позже такие краткие звонки мне приходилось делать раз в неделю, чтобы Екатерина Леонидовна не подняла тревогу по поводу моего внезапного исчезновения. Однако со временем ее натура проявила себя: она накричала на меня по телефону в самых жестких выражениях, в приказном порядке предписав, вернуться домой, тем самым собственноручно поставив точку в дальнейшем общении. Наконец, тонкая, как телефонный провод, нить окончательно оборвалась между нами. На следующий же день после скандала родители получили от моих адвокатов отказную от имущества, муж – развод, я – долгожданную свободу.

– Нет, ну правда, она ж сама мечтала о свободе духа и эволюции осознании, без зависимости от родителей и общества. – Сказала на это обстоятельство Бася, как обычно лукаво подмигивая, – ты грамотно продолжаешь традицию.

Мы зло рассмеялись. Она действительно достала всех этой недоброй теорией, навязанной какими-то новыми течениями в психотерапии, иногда казавшимися специально придуманными, чтобы развратить и уничтожить человечество, подкашивая институт семьи и веру в традиции.

В этих почти прозрачных зеленоватых глазах с маленьким злым зрачком посередине, я увидела свое будущее, где не было места старым лицам.

* * *

Кристина торжественно закончила свой рассказ голосом Баси и медленно, словно Чеширский кот, стала расплываться в пространстве. Последней исчезла ее улыбка...

* * *

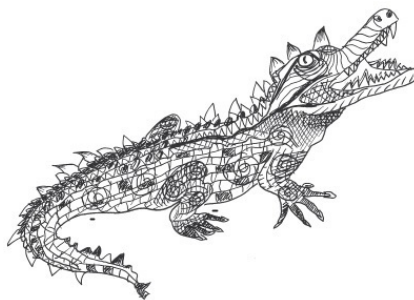
Я взмахнула рукой, разгоняя морок кабинета с кожаным креслом, и опять оказалась зависшей в падении в дьявольском водовороте и громко выругалась, со зверским остервенением ударяя по клубам пара, которые тут же распадались на мелкие испуганные облачка, убегающие от моего гнева.

Баси не было видно, ее полностью поглотила пучина, но я почувствовала, что все-таки мои психологические изыскания двигались в нужном направлении и приблизили-таки к точке соприкосновения с бездной и встрече с подругой, но я все еще висела в воздухе. А Бася уже давно прошла эту водяную мельницу.

Понимая, что предстоит совершить что-то еще: вспомнить то, что мешало мне упасть в пропасть вместе с подругой, память вдруг обрушила на меня это воспоминание, которое выжгло когда-то на моем сердце два слова, которые я постаралась забыть навсегда – «Любовь Кроко».

Но чтобы дойти до этого момента моей жизни, нужно было вспомнить, как я стала Коко. Теперь больше не требовалось ни собеседников, ни актеров, чтобы вернуться в ту точку памяти, которая мигала красным тревожным маячком в темноте, приглашая войти.

Я, наконец, поняла, как работает этот чертов, каменный лифт, ведущий в ад. И, собрав последние душевные силы, прикрыв глаза, оказалась на борту белоснежной яхты. В лицо подул океанский бриз...

Глава 6. Коко

Каждый день того года был похож на сказку: утро и вечер следующего дня становились одинаково чудесными, но по-разному прекрасными. Сладко вспоминалось все произошедшее за день так, что становилось жаль прощаться с ним, таким насыщенным и неповторимым ароматом наполнял он мою память. Может ли хоть один живущий на земле похвастаться таким? За свою психологическую практику выслушивания жалоб по всевозможным поводам, могу сказать однозначно – нет...

Таким чудом обернулась моя жизнь на круизе вокруг солнца.

Бася, словно добрая Фея Крестная, открывала мне мир с его необыкновенными чудесами, о которых не пишут в газетах, не отмечают на картах, про них не знают в гидах для путешественников. Казалось, их знает только она, потому что однажды побывала там. Но вместе со мною, с моей искренней наивной радостью, заново открывала все это для себя, по-детски волнуясь перед встречей, словно в первый раз.

Это мне напомнило один случай из психотерапевтической практики, когда больных или переживших стресс подростков помещали к совсем маленьким детям, и вместе с ними больные дети заново переживали нежность, радость, ласки и любовь, забывая плохое; учились видеть прекрасное глазами маленьких товарищей, и тем исцелялись. Я заметила, что Бася всячески старалась порадовать и удивить меня, моими нечаянными улыбками и радостными восторгами наслаждалась даже больше, чем самим явлением. С этого момента я смотрела на нее другими глазами: мне хотелось узнать откуда в ней это? На самом деле: зачем ей я?

* * *

Наши будни, если можно так назвать дни беспечных каникул, начинались обычно с завтрака на палубе или в шикарном отеле, к которому мы причаливали накануне, если надоедало бесконечно-синее море или обстановка нашего плавающего роскошного дома. Бася расспрашивала меня обо всем на свете, ее интересовали мои привычки, пристрастия, интересы, но позже я стала понимать, что это являлось прелюдией, завесой, чтобы вычислить истинное – мои страхи.

Все эти опасения о том, что мне уготована роль сиделки в путешествии, полностью улетучились. Скорее наоборот, я чувствовала себя главной героиней приключенческого фильма: все события казались забавной игрой, и я не сопротивлялась желанию подруги осчастливить меня, осуществив все мечты, которые сбывались сразу или почти сразу.

Так, например, с детства я боялась воды, и поэтому только в страшном сне могла увидеть себя в маске для подводного плавания. Даже в школе по настоянию матери меня освободили от посещения бассейна.

Как-то после очередного разговора, когда я поведала о своих страхах к водной стихии, мы на несколько дней причалили в красивейшую бухту где-то у одиноких островов. Берег был полон магазинчиков для аквалангистов и сёрферов. На следующий же день к моему удивлению мы отправились в дайвинг-клуб, где Дэном было организовано индивидуальное погружение с шестью молодыми мускулистыми ребятами в профессиональном снаряжении. Тут же с порога с совершенно серьезным видом загорелые молодчики по очереди стали рассказывать мне методику погружения и вводить в курс дела будущих заплывов. Я не могла поверить, что Бася хочет этого, зная мой отчаянный страх перед глубиной. Она с большим интересом наблюдала за моим шоком и похихикивала в сторонке. Это не казалось розыгрышем, подтверждением сему служили абсолютно серьезные лица ребят и Дэна.

Уже на следующий день началась практика: сначала в бассейне, потом на мелководье каждый из шестерых с большой ответственностью брал меня на руки и вносил в воду, рассказывая и показывая приемы и техники дыхания и гребли. Если я капризничала или тушевалась, тренировки прекращались, ребята терпеливо ждали на берегу. Бася хихикая, а порой гогоча от смеха, спускалась с яхты, где все это время проводила в прослушивании музыки или медитациях, уговаривала меня, смеялась над моими капризами, и мы таки возвращались к тренировкам.

В какой-то момент мне самой надоели эти трения и паузы и, глядя на такую команду поддержки и нелепость собственных отговорок, я решила и отбросила жалобы в сторону. Стало понятным, что такой ответственный, почти профессиональный подход не мог не дать результатов. Даже Дэн, как всегда с бесстрастным видом, погружался с нами. С такой охраной мне вовсе перестало быть страшно, а уже через некоторое время я поймала себя на мысли, что получаю удовольствие. Остров и его подводные окрестности оказались удивительно прекрасны! А вскорости мне стоило труда вытащить себя из воды.

После каждодневных умелых тренировок, впечатлений, победы над своими страхами, я быстро освоила не только дайвинг, но и подводную охоту. Следующим этапом стал сёрфинг – парить на гребне волны в точке, где тебя может накрыть смертельная громада падающей стихии, стало для меня настоящим открытием, перерастая в устойчивую страсть. Мы не заметили, как пролетели три недели на этом райском островке. Каждый день глядя в зеркало, я искала себя прежнюю и не находила. От плавания и прогулок мое тело приобрело спортивную форму, загорело и налилось какой-то внутренней силой. Наши с Басей волосы выбелились, высветились ресницы и брови, с лиц не сползали счастливые улыбки, заостря одинаковые мимические морщины вдоль розовых губ, расходясь лучами к сияющим счастьем глазам. Глядя друг на друга, мы всегда улыбались, порой без причины, искали в лицах друг друга ответ, что свело или что разлучило нас. Кто мы?

В тот момент, я, конечно же, не подозревала, что каждая деталь кричала ответом, каждая мысль, каждый поступок являлся маленькой черточкой в большом и сложном плане, который разворачивался прямо на глазах.

* * *

Мы отправились дальше, по ходу дела делая остановки для подводной охоты и погружений. Говоря «дальше», я лично не задумывалась куда мы плывем и какая наша конечная цель. Иногда мне казалось, что Бася и сама не знает.

Как-то за завтраком, за очередным разговором, я проговорила, что боюсь лошадей. Через несколько дней Бася, плохо скрывая смех, предложила прокатиться верхом. Я тяжело вздохнула, зная, что это не шутка и мне действительно предстоит пройти испытание, накарканное самою же. Однако признаться честно, где-то внутри меня зашелестели невидимые крылья бабочек желаний в предвкушении чудесного сюрприза, заготовленного специально для меня, все это читалось на таинственном лице Баси и хмуром лице Дэна.

И вот уже наша яхта причаливает к еще одному райскому острову, где пальмы своими стройными стволами утопают в белом песке и уходят под прозрачную утекающую воду, а на берегу нас встречает загорелый молодой человек, держа за поводья двух великолепных скакунов.

Я не могла поверить своим глазам, глянув на Басю с укором, но та, как ни в чем не бывало, быстро сбросив с себя легкое платье, нырнула в изумрудную гладь, брасом поплыв к берегу, на плаву выкрикивая приветствия молодому человеку.

Тот радостно встретил мою подругу, и они расцеловались, как старые друзья. Она поприветствовала и животных, тут же вскочив на одного из них и уносясь куда-то по дикому пляжу.

Яхта пристала на мелководье, и мы с Дэном цивилизованно сошли на берег, здороваясь с молодым человеком, который забывшись, стал ошеломленно рассматривать меня, верно находя странным сходство с умчавшейся Басей. Я улыбнулась, и он моментально пришел в себя: извинился, представился и замолчал, не смея спросить что все это значит.

* * *

Следующий день запомнился незабываемым жарким событием того «круза вокруг Солнца», нанизанным, словно дорогая жемчужина, на ожерелье моей памяти, которое я иногда тербелю с волнением, вспоминая его с улыбкой и некоторым смущением.

Как и предполагалось, меня ждало знакомство с миром лошадей и первая тренировка. Я не сопротивлялась, зная, что мои страхи всего лишь глупые предрассудки, потаенные детские боязни, не использованные возможности собственного потенциала. Тренировки и планомерный подход сделают свое дело с испуганным разумом, где поселился иррациональный страх к этим благородным созданиям.

Хорхе, так звали парня, сам похожий на молодого жеребца, улегся на белый песок, валяжно подставив загорелые ноги приливу, для релаксирующей лекции по коневодству.

Его небольшая ферма, расположенная на этом островке, разводила породистых коней особой расы для всего материка и он знал о них все, чему посвятил целое утро того дня для вступительной лекции.

С яхты нам принесли завтрак, сервируя прямо на белом песке, рядом паслись два приведенных коня, Воин и Белла.

Он был мастерский рассказчик, этот Хорхе, то ли басни, то ли реальные истории открыли по-новому для меня мир людей и лошадей. Например, парень утверждал, что лошади не менее разумные существа, чем люди, и более того, он лично встречал говорящих коней... По его мнению, лошади когда-то были людьми, или походили на людей, потому что многое в их поведении схоже с человеческим.

За все время лекции-завтрака Бася не проронила ни слова, лишь периодически посмеиваясь над той или иной историей, и мне показалось, что она слышит их не впервые.

Все эти байки раззадорили мое любопытство, и я стала задавать вопросы. Как вдруг Хорхе схватил меня и на своем мощном загорелом плече донес до коня, мастерски усадил на спину к мускулистому монстру, сам подсаживаясь спереди. Бася засмеялась в голос, мне показалось, что она ожидала такого поворота, по тому, как просто подала знак кивком головы убирать завтрак и подниматься на лодку.

Я даже не успела вскрикнуть, холодный пот проступил на лбу и по всему телу, а мы уже мчались на всех парусах вдоль берега. Дикая не контролируемая мною скачка поначалу сковала разум, я была не в силах разглядеть ни красоту прибоа, ни великолепие природы, ни всю романтичность создавшейся ситуации. Хорхе периодически выкрикивал жизнерадостные приказы своему коню, и Воин убыстрял бег, от чего мне приходилось крепко вцепляться парню в спину, чуть ли не ногтями впиваясь ему в кожу.

Так мы мчались около получаса и когда наконец вернулись, нас ожидала Бася с нескрываемым торжеством на лице, которое вдруг просигналило мне, что у этих сюрпризов имеется второе дно: все они хорошо спланированы заранее и имеют какую-то цель.

После столь насыщенного утра, мы отправились на яхту отдохнуть и переодеться, а после обеда я продолжила с Хорхе основы верховой езды, оставив Басю, как всегда наедине с музыкой и мантрами.

После обильного обеда лошади присмирели, словно кролики. Возможно, этому способствовало и необыкновенное обаяние их хозяина, который предложил искупаться вместе с ними в море. Совместные водные процедуры окончательно подкупили мою проснувшуюся любовь к этим красивым животным. Я даже не заметила, как стала целовать их морды, нежно ласкать гриву, тереться об шелковистые мускулистые тела. Лошади отвечали мне взаимностью. Оказалось, что эти животные обожают игры, умеют ластиться и капризничать, хитрить и дурачиться.

День клонился к вечеру и Хорхе предложил сделать последний шаг – почувствовать истинное единение с другим существом – полностью раздеться, сесть верхом без седла и довериться зверю, который должен самостоятельно выбрать дорогу для прогулки.

В моей прошлой жизни я никогда не отличалась стеснительностью и мало что могло смутить меня, но не припомню ситуации, где бы пришлось раздеться перед незнакомым человеком, а тем более нагой умчаться в неизвестную даль верхом на лошади.

Поэтому это несколько озадачило меня. Хорхе, улыбнувшись, ободряюще потрепал по плечу:

– Коко, давай... Хочешь, я отвернусь? – и его коньячного цвета глаза смешно зажмурились, ресницы на глазах скрестились и красиво перепутались между собой. А потом он вновь открыл их, там отражались последние лучи уходящего солнца. Я рассмеялась, разгоняя остатки нерешительности. Сняла с себя все, что было, легко вспрыгнула на Воина при помощи нежных и шаловливых рук Хорхе, и почувствовала себя настоящей амазонкой. Парень восторженно заулыбался: открывшееся зрелище для южного взора горячего молодого мужчины было поистине волнующим. Он подложил под меня помпону для удобства, не лишая себя удовольствия пройтись по оголенному женскому телу мощными загорелыми руками, а потом со всего размаху хлестнул коня и звучно засвистел, от чего Воин взревел на месте, встав на дыбы, вода вспенилась под ним, и тут же рванул с места так, что мне пришлось плотно прижаться, практически слиться с ним в одно целое.

Парень оказался прав, это было невероятное ощущение – чистый восторг, смешанный с беспредельным наслаждением являться чем-то сильным, диким и свободным. Воин мчался, его дыхание стало тяжелым и неровным, он весь вспотел, и этот пот, мускус его тела, драйв вскружили мне голову и лишили чувств. Руки машинально держались за гриву, длинные ноги автоматически прижимались к его теплым мокрым бокам, а сознание потерялось в этом закате, в этой гонке, в ритмичном дыхании моего повелителя.

Я перестала ощущать свое тело, оно стало телом Воина, а может быть, мой разум поглотил его, и теперь находясь в теле коня, это я свободно мчалась по берегу, потом вдруг разворачивалась назад или вовсе игриво кружилась на месте. В тот момент, на самом деле длившемся несколько часов, я перестала ощущать телесную оболочку, которая будто исчезла, но, как никогда лучше услышала изнутри свои мысли, которые выкристаллизовывались, всплывали волнами ясного сознания, открываясь какими-то новыми смыслами.

Мне вдруг вспомнилось лицо Хорхе, его растерянность при первом знакомстве – линия биения сердца Воина прерывается (или это билось мое сердце?), но тут же острым зигзагом вскидывается вверх.

Теплее...

Выражение лица Баси, ее плутовской взгляд, брошенный как бы невзначай, но внимательно следящий за каждой моей реакцией, – ритм лошадиного сердца стал учащаться в бешеный неровный стук, ощущаемый через мокрый бархат кожи. Линия делает неровный вертикальный штрих и... замирает!

Жарче...

Другая мысль-зигзаг – Хорхе называет меня «Коко», хотя я точно помню, как представилась своим обычным именем. – Бум! Удар! Резкое падение, потом еще удар! Легкий шок...

во рту сладкая слюна адреналина, от которой кружится голова. И вновь взгляд Баси, горящий как-то особенно, таинственно. Ее губы плотно сжаты.

Совсем жарко.

Сердечный ритм коня стал стихать, а в моей голове прояснилось некое знание, оно крутилось где-то на периферии, еще не оформившись в слова.

Вся мокрая, в какой-то лихорадке, я слезла с коня и решила часть обратной дороги пройти пешком, обдумывая последние события своей жизни. Алый закат давно погас, превратившись в глубокую ночь. Я медленно шла по берегу, разгоняя теплую пену ногами и разглядывая яркое звездное полотно, Воин не спеша следовал за мною. Приближаясь, увидела горящий костер, разожженный прямо у воды, где стояла пришвартованной наша яхта. Белла паслась неподалеку, ее мерцающая тень проступала позади огня в пальмах. Завидев нас, она заржала, приветствуя. От ее ржания задвигались две тени, еще мгновение назад слитые в объятиях и страстном поцелуе, огоньки пламени и искры красиво подсвечивали обнаженные тела целующихся. Почему-то я совсем не удивилась увиденному и, когда Бася, оторвавшись от губ молодого человека, сладострастно посмотрела на меня, я не заметила удивления или смущения на ее насмешливом лице. Хорхе счастливо откинулся назад, приглашая к себе в объятия, его крупные чувственные губы призывно блестели в легкой улыбке, светящиеся глаза смотрели с беспечной радостью. Он был прекрасен. Они оба были магически притягательны в своей откровенности и чувственности.

Мне кажется, это событие ожидалось мною и Басей, и самым моментом давно... Я шагнула к ним в объятия, как будто бы собиралась сделать это с самого начала, как только впервые появился Хорхе, и я заметила сладкие перемигивания и переглядывания между ними... С моим появлением наш костер разгорелся еще выше чем, тот, что трещал сухими дровами ароматного дерева на берегу неизвестного острова на пути к неизвестной цели... И второй раз за этот волшебный вечер я потеряла чувство реальности, будто кто-то незнакомый овладел моим рассудком, полностью затмевая меня старую, от которой я сама устала и давно хотела избавиться... Мои поцелуи, мои объятия, голос были такими жаркими, как никогда... Кажется, что я могу обжечь только своим взглядом...

* * *

На следующее утро, проснувшись в своей постели на яхте, которая уже плыла куда-то, браво разбивая волны, я не сразу вспомнила предыдущий день. Обнаружив, что совсем не помню вчерашнего, – заволновалась... Раньше такого за мною не водилось.

Как внезапно горячими приливами, от которых кожа, ничего не понимая, покрывалась холодным соленым потом, воспоминания нахлынули невероятными картинками. У меня перехватило дыхание. То, что произошло на пляже, у взъярившегося ввысь костра, походило на наваждение. От первых же воспоминаний, я в ужасе зажала рот руками, боясь вскрикнуть, потом спряталась под одеяло, будто бы это помогло убежать от коварно наступающей памяти. Дикая энергия от бешеной скачки жеребца, видимо, перекинулась и овладела мною, открывая нечто, что было скрыто и неведомо доселе моему разуму. Такой опьяненной, страстной, злой я себя не помнила никогда...

В ошеломлении пытаюсь припомнить детали, перед глазами возникали такие картинки: Хорхе нагой и невообразимо прекрасный лежал на песке, я восседала на нем, как недавно на Воине, где-то позади находилась Бася, чей образ расплывался, лишь ее осатанелый взгляд, следивший за каждым моим движением, маячил повсюду, напрягая мое новое сознание, не давая с головой погрузиться в пучину страсти. Горячее дыхание костра обдавало и еще больше подогревало нашу компанию чудесным ароматом эвкалипта... Довольный молодой человек переводил свой смешливый взгляд с Баси на меня и, в какой-то миг его лицо стало преображаться.

Беспечная улыбка быстро погасла, сменяясь странным выражением жуткого прозрения, граничащего с испугом. И в этот миг я прочла его мысли...

Как это произошло, я не знаю. На примере с Воином сначала проступили неровные ступи его человеческого сердца, превращаясь в шумы и нервные штрихи... Я вглядывалась в Хорхе, будто желая разглядеть эту кардиограмму на его лице, – шумы складывались в неясные образы, возникающие где-то в пространстве между нами, будто на белом экране, освещаемые алыми всполохами огня и тенями.

То, что читалось на его лице, очень удивляло меня, – никто и никогда не смотрел на меня так: будто бы видел перед собой чудовище, которое одновременно пугало и завораживало его, неподвижно и безвольно он продолжал смотреть, не смея пошевелиться. И что было особенно шокирующим – эмоции на его лице полностью совпадали с моим внутренним ощущением к нему, будто бы я являлась нами обоими...

Абсолютно четко я ощущала себя каким-то вампиром, суккубом, готовым выпить из парня все его силы или специально причинить боль.

И если бы в этот момент у меня выросли клыки – с большим удовольствием продырявила бы его мускулистое тело, чтобы просто доказать это право.

Но к счастью, это было лишь наваждение... Хорхе неотрывно смотрел, облизывая сухие губы, будто ожидал повелений, его зрачки улавливали на моем лице какие-то невидимые движения...

Я почувствовала непреодолимое желание дотронуться до него; мои пальцы горели, пылали губы и щеки. Он молча и покорно ждал, и я решилась, приблизиться, чтобы через поцелуй передать весь этот накопленный жар, который больше не могла сдерживать...

Дальше мы потеряли счет времени, превращаясь в одно большое горячее сердце на троих, переливая живительную силу из одного в другого, жажда любви во всех ее проявлениях, будто соскучившись по чему-то магическому, без единого слова позвавшего и соединившего нас, больше чем страсть или тяга к телесным удовольствиям.

* * *

К обеду я-таки решилась выйти из каюты; плохо скрываемое замешательство на моем лице не укрылось от Баси, которая ждала в главной зале, погруженная в медитации, что-то нашептывая себе под нос и раскачиваясь в такт.

Завидев меня, она засмеялась в голос, мои щеки еще больше запылали от стыда. Я тяжело вздохнула, так и не поднимая головы, Бася упала в кресло, задыхаясь от хохота.

– Пожалуйста, не надо, – умоляла я, пряча лицо.

– Нет, дорогая, прости, но не могу не прокомментировать. Ты была прекрасна! Ты была божественна! Я думаю Хорхе, проснувшись, подумал, что ему приснился весь этот день и эта магическая ночь в компании Дикой Венеры, – ироничные речи Баси наносили мне невыносимые душевные раны.

– Он хоть жив? – жалобно промямлила я.

– Не только жив, но думаю, считает, что божественный Ангел сошел с небес благословить его на новые деяния... – она не успела договорить, потому что я бросила в нее подушку, первое что попало в руки, чтобы сбить с нее этот задор.

– Пожалуйста, замолчи! – взмолилась я. – Это ты во всем виновата!

Бася не унималась, и даже побои и угрозы, не сдерживали ее смеха сквозь слезы от воспоминаний прошлой ночи, полной неудержимой страсти.

Успокоившись, подруга примирительно погладила меня по плечу:

– Дорогая, милый Хорхе прекрасный юноша, ты сделала ему королевский подарок, который он будет помнить всю жизнь. Ну а чтобы ты не мучилась – обещаю, мы не вернемся на

этот остров никогда. Поэтому никто кроме меня, – тут она опять хохотнула, – не напомнит тебе, о! какой дикой кобылицей ты можешь быть?!

Я с досадой прикрыла глаза, Бася продолжала:

– Хотела поздравить тебя с днем рождения, – мои брови непроизвольно вскинулись вверх. Бася прекрасно знала, когда мой день рождения и сейчас на дворе не январь. – Дело в том, что под твоим старым именем довольно сложно путешествовать и вообще, мы говорили, дороги назад нет. – Она протянула мне несколько паспортов и карточки резиденций разных стран. Я изумленно переворачивала страницы, на каждой встречая свое лицо и НОВОЕ ИМЯ.

– Мне подумалось, что для компаньонки, – она сделала ударение на последнем слове, – твое прошлое имя звучит неподходяще, поэтому я дала тебе свое. Теперь мы некоторым образом действительно родственницы. Или можешь считать меня своей крестной матерью, – пошутила она.

– Коко Ферро Бартоли, – прочитала я на одной из карт.

– Да, это фамилия моего третьего мужа, – уточнила подруга.

Я вопросительно посмотрела на нее, от моего взгляда Бася улыбнулась, покрываясь таинственностью.

– А куда же делась Баженкова Василиса Григорьевна? – забывая о Хорхе и страстной ночи, спросила я.

– Василиса Григорьевна окончила престижное заведение высшей управленческой школы в столице мировой рыночной экономики, где ее познакомили с будущим мужем, по совместительству одним из самых богатых и влиятельных людей нашей родины. Брак продлился недолго, мой первый муж скоростно скончался после двух лет брака.

– Первый? – переспросила я. Она продолжала.

– Причина трагедии – внезапная смерть. Очень странный случай, – наигранно пощелкала языком подруга, – но такое иногда происходит... Далее след Василисы Григорьевны теряется в суете сует. Обычная история для богатых, но скромных вдов нашего отечества. Говорят, она тихо проживает в Европе, – бесстрастно закончила повествование Бася, зевая и тут же вскакивая, чтобы налить себе апельсиновый сок.

– Расскажи мне, – спокойно попросила я. Мне вдруг захотелось узнать то, о чем мы пытались молчать все это время. И от моего тона, взгляда, Бася повиновалась, начав свой рассказ, уложившийся в десятиминутный монолог с хронологически выстроенной четкой цепью фактов, сводившуюся к одному единственному смыслу – Бася реализовывала себя и свой неограниченный жизненный потенциал в выполнении особых поручений компании-работодателя. Порой после ее участия в подобных операциях менялся политический, экономический и социальный небосклон на карте мира. Таких сотрудников у конторы водился целый штат, его мне удалось лицезреть на том шикарном балу в первый день нашей встречи после разлуки.

Из этого короткого рассказа, шокирующего обывательский мозг пугающими фактами безнаказанности некоторых людей и таинственных обществ, неуправляемости привычного бытия в целом, мне стало лишь понятным, что Бася является высокого класса убийцей и шантажисткой, ее жертвами становились главы правительств или высокого полета неприкасаемые личности, смерть которых нанесла бы серьезный вред слаженному мироустройству планеты, но и одновременно, их жизнь и деятельность по какой-то неизвестной причине ставили под угрозу тот же миропорядок. Озвученные подругой имена ежедневно мелькали на страницах газет, но мне никогда не приходило в голову мысль, что их жизнь зависит от задачи, полученной Басей к обязательному выполнению.

Лучшие кадры курировались с университетских парт: необыкновенные, гениальные, сильные, смелые, свободные натуры, способные к тонкой, творческой работе, естественно и натурально могли исполнить любую задачу, будь то убийство или шантаж, чтобы ни один чита-

ющий газету житель планеты не смог и подумать, как ничтожна и малозначима его жизнь, находящаяся в красивых и утонченных, профессиональных руках Баси.

– Понимаешь, мне хочется сделать из своей жизни нечто большее, оставить какой-то грандиозный след. Эта цель заводит меня, – ее голос стал глубже, а взгляд магически затуманился, подпитанный внутренними иллюзиями.

– И что же является твоей целью? – спросила я, смутно догадываясь об ответе.

Бася долго молчала, ласково глядя на меня, ожидая, что догадаюсь сама. Ведь ответ выглядел настолько простым, и в то же время поражал грандиозностью, что его озвучивание преуменило и снизило бы его значение.

– Ты не веришь мне? – лукаво поинтересовалась она.

Я верила каждому ее слову, просто было невероятно сложно проснуться от глубокого тяжелого сна и узнать, что меня не существует, я лишь статичная единица, учитываемая в переписях населения, превращенное в большое стадо коров, растущее и движимое командами и планами какой-то секретной организации, где работают такие красивые и опасные пастухи и пастушки, под шкурами которых скрываются голодные до своих интересов волки. Информация о всемирном заговоре часто попадала на экраны телевидения, в печать и крутилась на языках, но сильно ли это меняло жизнь? – Никак.

Я верила Басе, но не знала, что делать с этой верой. Хотела расспросить ее, но вопросы казались глупыми и наивными, слова застревали в горле.

– Понимаешь, если всем на свете рассказать, что жизнь – это череда удовольствий, сменяющаяся другой чередой, и каждый свободен выбирать все что душе угодно, оставляя право выбора и ответственность за собой, – то начнется всемирный хаос, который поглотит словно цунами всех и вся в бурном потоке бардака. Не смотря на высокие технологии и рост материальных благ, мы в большинстве своем все еще животные: злые, жадные, глупые и голодные... А оказываясь в стаде себе подобных, – становимся дикими, сменяя все на своем пути. Поэтому умное человечество, во главе с просветленными наимудрейшими, находясь в тени, взяли на себя роль гуманно править движением, мягко подталкивать, контролируя массы. И нет ничего более правильного, чем организовать мир однополярным, глобальным, единым и управляемым с одного центра, где каждый четко выполняет свою работу, чтобы этот огромный большой живой механизм трудился и жил исправно во благо всех его деталек. – Бася благодушно улыбнулась сама себе и своей заготовленной оде. – Заметь, очень гуманный план: единые стандарты жизни, единые стандарты счастья, единая земля – единое соединенное королевство.

Подруга, приняв мое молчание за негласное согласие слушать, продолжала:

– Безусловно, это утопия. Искусственно созданные реальности имеют тенденцию распадаться. Это доказано тысячелетней историей, исследованиями и прочими превратностями судьбы. Поэтому раз в сто лет нужно менять картинки, заменять детальки, совершенствовать конструкции сложного механизма. Но другого пути нет. Нельзя довериться природе животного. Надо выбирать: либо кровавый хаос вседозволенности, – развела одну руку в сторону подруга, – либо цветущая ферма довольных здоровых коровок, – лучезарно улыбнулась она, разворачивая вторую руку.

– А ты, как я понимаю, метишь в молочные королевы? – съехидничала я.

– Не все понимают этот выбор, – с той же улыбкой парировала Бася, пропуская мимо ушей комментарий, – рождаются те, которые просыпаются, сознают, что нарисованная нами картинка за окном искусственная, срывают пелену с глаз, видя, что все придумка, принудительный захват мозгов, чтобы серые клетки работали в правильном, нужном нам, направлении, не вредили себе и другим пустыми мечтами о свободе. Подобный человек становится опасен, так как начинает думать, что способен бороться с ветряными мельницами и победить. Естественно, пытается образумить других, но эти другие родились на ферме и не желают просыпаться, – Бася грустно рассмеялась, – райские кущи для них – это мягкое синтетическое

сено и химическая вода, пенициллиновые прививки от вредителей, газовое небо, панельный дом и программированная жизнь. Иначе не хватит другим, понимаешь?

Если все узнают, что наш мир создан таким, где не нужно работать, бороться, постоянно доказывать свое право на жизнь, а счастье вообще лежит в другой плоскости – такой человек ставит под удар все ценности организованного мироустройства, доставшееся таким тяжелым трудом. И да, – уцелеют лишь проснувшиеся, понявшие свои возможности, а остальных куда? – Опять потоп? Или в рукопашную разделять верных от неверных? Пока не останется то количество, способное четко и ясно выражать свои мысли и чувства, знающее смысл своего существования и способное самостоятельно включиться в сектор своей предназначенности без пинка под зад, без жалоб к мамочке, и самое главное, способное взять ответственность за свой выбор и жизнь на себя. Таких всего-то миллионов пять-шесть от силы наберется, остальные – генетический мусор. Неужели ты не видишь, что человечество вырождается, и единственный способ сохранить воображаемую гармонию – контролировать ферму. Уже пробовали-перепробовали разные варианты, я думаю, из школьной программы ты в курсе что получалось в итоге.

А вообще, Коко, – Бася прыгнула с дивана на колени, беря мои холодные руки в свои горячие, – мне плевать на всю эту философию! – и ее лицо осветилось другой улыбкой, которая шла ей очень, делая невообразимо красивой. В этот момент хотелось выполнить любую ее просьбу, лишь бы настроение у королевы не потускнело. – Мне чихать, кто там чем управляет! Если они это смогли и организовали так, что коровы спокойно жрут свое сено и мычат в унисон – хвала им! Каждый должен заниматься тем, что у него получается лучше всего!

Я не вынимала своих рук, а она продолжала:

– Ты понимаешь, это судьба! Я осознала, когда впервые проснулась и увидела мир другими глазами. Он магический, гибкий, безграничный, поддается любому желанию, любому моему капризу. И так было всегда... Каждый день он заботился обо мне и говорил: ты можешь! достойна! способна! Все вокруг – твое!

Многополярность или власть в руках недостойных – опасна, в ней каждый стремится раздербанить на куски ресурсы, общество, власть. Посмотри, как люди вокруг эгоистичны, агрессивны, глупы. В моем же устройстве с одним полюсом можно улучшить все и сразу, поставив всех на место, избегая ненужных жертв, войн, тотального истребления. Мой величайший ум способен созидать и воплощать в жизнь грандиозные планы! И они уже воплощаются... Я вовсе не преувеличиваю, поверь, люди, обстоятельства подчиняются мне, словно ждут моего прихода, – она встала с колен и стала лихорадочно ходить по зале. – Ведь все, чем занимаюсь – оборачивается успехом. К чему не прикасаюсь, – начинает крутиться, вертеться, гореть, «превращается в золото», как говорили древние алхимики, – она задорно рассмеялась. – Мой потенциал безграничен. Внутренний голос и интуиция никогда не подводят! Я предчувствую время, мне подчиняется реальность, выгибаясь дугой, идет по тому сценарию, который выбран мною... Я тебе покажу! Ты изумишься и поверишь, как я! Эта планета хочет, чтобы именно я завладела ею, будто бы в моем сердце есть ключ ко всем ее чудесам, – она развернулась, посмотрела на меня серьезно. – Они собираются переорганизовать планету, выстроить Королевство с одним единственным центром управления. Никак сейчас... – Бася на мгновение огорчилась. – Королевству нужен король или королева с новой идеей, программой, силой, дарующими новую жизнь. У меня есть все для этого. Это будет ренессанс планеты Земля...

– Тогда зачем тебе я?

Опустив глаза в задумчивости, или специально театрально выдерживая паузу, она помолчала какое-то время, а потом ответила:

– Туда куда я стремлюсь, нельзя идти одной. Нужна команда, на которую можно положиться. И мой голос привел меня к тебе, а ему я доверяюсь больше, чем кому бы то ни было. Ты мне нужна.

Я впервые увидела Басю такой: сосредоточенной, сложной, глубокой, возвышенной, опасной, суровой и правдивой.

Она помотала головой, разгоняя серьезность.

– Но все не так просто. До цели еще далеко. Да я и не тороплюсь, не торопятся и мои хозяева. Чтобы прийти туда, нужно иметь колоссальный опыт и доказать свое право на место в легенде.

Я хотела еще расспросить про свое место в легенде, но Бася, словно прочтя мои мысли, быстро сказала.

– Только не бери близко к сердцу! У нас и вправду отпуск, – и она по-сестрински положила свою голову, полную космических планов, мне на плечо. А потом, резво подскочив, крикнула: – К тому же сегодня твой день рождения, Коко!

Бася, не замечая моего замешательства, восторженно продолжала:

– Начинается новая жизнь с яркой картинкой горящего очага на прикрытом камине, Мальвина, – она подмигнула. – Нас ждут невероятные приключения! И новые друзья. Хочу тебя представить моим коллегам, так сказать.

Измученно качая головой, не смея что-то сказать, я попыталась переварить сказанное. Моя жизнь превратилась в тот самый круиз вокруг Солнца, про который воодушевленно напевала подруга, хотя я думала что это шутка, забавный подбадривающий девиз... А еще преследовало смутное неприятное ощущение, что за все эти сюрпризы и удовольствия когда-нибудь поступит внушительный счет к оплате на мой адрес тоже. А может быть, это говорило рабское самосознание, как недавно ставшее ясным, – обученное лишь к безнадежным ожиданиям к прозябанию на ферме...

Бася пошла отдавать распоряжения, оставляя меня потрясенную переварить полученную информацию, казавшуюся весьма неоднозначной.

Первый муж, а точнее первое задание Василисы Баженковой, юной выпускницы престижного заграничного заведения, куда стремились отправить учить своих детей все российские дипломаты, депутаты и бизнесмены, скоростно скончался после неудачного подводного погружения, любимого и заядлого хобби, которым министр юстиции, полиции и системы исправительных учреждений занимался свои последние пятнадцать лет. Будучи мастером спорта, в том числе, по подводному плаванию, чиновник при желании смог бы сам преподавать эти дисциплины. Вскрытие показало отсутствие в теле ядов и каких-либо других повреждений, не совместимых с жизнью. Коих не должно было найтись. По всем признакам – это был несчастный случай... Но министр умер по другой причине.

Помимо дайвинга важный чиновник злоупотреблял алкоголем во внушительных дозах, которые прекрасно назначал себе сам, в зависимости от текущих дел. А каждый подводник знает, что перед погружением надо пройти простой тест, его делают как новички, так и старички: легкое погружение тела в воду и быстрый анализ собственных ощущений, который определяет степень риска погружения в этот конкретный момент.

В тот день, а именно его Василиса выжидала в течение двух лет брака, инстинкт самосохранения настойчиво просигналил Виктору Петровичу не погружаться: доза принятого накануне алкоголя и какие-то внутренние причины извещали о серьезном риске, от которого на лбу выступили капли холодного пота. Но Василиса, любимая молодая жена, так хотела, так желала в этот день прыгнуть с белоснежной яхты за кораллами в чудесных карибских водах, кишевших экзотическими тварями, что опытный генерал, серьезный военный, ключевая фигура в правительстве и важная кандидатура в той самой секретной организации, о которой шептались маникюрши всех салонов, насмотревших политических программ, – уступил. Что случилось в глубинах под неусыпным контролем охраны, непременно сопровождающей таких лиц даже в морской пучине, знает только Василиса, несчастная молодая вдова генерала, проживающая теперь где-то в Европе.

В скором времени, уже в конце того года, в четвертый раз женится не молодой, но весьма цветущий на вид табачный магнат южного полушария нашей планеты. Избранница – скромная, но известная в своих кругах светская львица, прославившаяся гуманистическими принципами и меценатством. Почти год счастливого брака закончился трагично. Табачного магната застрелила собственная взрослая дочь, ревновавшая и раньше отца к его пассиям. Однако с появлением идеальной молодой красавицы и умницы жены, окончательно съехавшая с катушек юная психика перепутала все местами, выбрав быструю смерть для отца вместо счастья в личной жизни.

Ужасная смерть богатого человека таких кругов в полном расцвете сил вызвала сильный резонанс в обществе. Факты были на лицо: преступница поймана с повинной на месте преступления, молодая супруга чудом осталась жива. Вердикт – непреднамеренное убийство в состоянии аффекта, бытовой случай. Всесильные мира сего, имевшие до этого веру лишь в могущество своего левого и правого полушария и кошелька неожиданно для себя вспомнили о Боге, еще раз убедившись, что все под одним небом ходят и расплата может наступить тогда, когда меньше всего ожидаешь.

Наконец, через какое-то непродолжительное время наделала шум смерть одного конгрессмена, уже совершенно в другой точке земли, где по догадкам всезнающих маникюрш, разыгрывалось настоящее и будущее планеты. Уважаемый человек, большая умница, просветитель современности, выпустивший ни одно произведение в области политехнологий, социологии, философии, женившись на молодой женщине, не известной широким кругам, становится счастливейшим молодоженом, на глазах преобразаясь в безупречного семьянина. Это отмечали родные и близкие, а также пресса и телевидение. Фотографии четы тиражировались миллионными версиями, обнадеживая одиноких и не нашедших счастья снова поверить в Любовь.

Жена, чтобы сократить разницу в возрасте, продлить минуты счастья и молодости неусыпно следит за режимом питания, отдыха и работы, умеренными занятиями спортом прославленного супруга.

Философ на глаза превращается в одного из счастливейших мужей вселенной, глядя помолодевшим взором с гляцевых обложек журналов. И множество людей начинает верить, что вегетарианство, правильное питание, тотальное очищение организма, сыроедство, привнесенные новшества в жизнь конгрессмена – чудо расчудесное, – без пластических операций подарившие двадцать лет молодости. Все в восхищении! – Аплодисменты!

Однако и здесь нежданное горе... Несчастный случай прямо на глазах у изумленной публики под фотовспышки камер папарацци...

После двух лет растительной пищи случайный кусок утиного фуагра, съеденный по случаю вручения премии уважаемому философу, открывшему миру глаза на свободы слова, духа и будущего от собрания мыслителей современности на приеме у глав государств, – был воспринят очищенным организмом в качестве сильнейшего яда. И уже ночью конгрессмен в муках умирает от естественного отравления. Все странно, страшно и ужасно банально. В этот день приверженцы вегетативной диеты, в особенности те, кому было что терять в нашем прогнившем материальном мире, – осторожно пошли наперекор совести и отъели-таки кусочек мертвечины на всякий пожарный случай, в целях профилактики.

Убитая же горем вдова, по словам пресс-секретаря лауреата премии, врученной уже посмертно, сразу же после погребения инкогнито отправляется в продолжительное кругосветное путешествие в компании родственницы.

Заметьте, никто из перечисленных, а также прочих странных смертельных случаев в ряде плеяд звезд политики, экономики, общества и т. п., не умер от вездесущего рака или модных инфекционных заболеваний. Все было натурально, естественно, банально и при свидетелях.

Это было красиво! Убийства равные произведениям искусства. И я жила рядом с этой талантливой злодейкой, на самом деле, настоящей преступницей, в голове у которой крутились разные страшные идеи мирового господства, которые она собиралась реализовывать с присущей гениальной одаренностью при моем непосредственном участии...

* * *

Меня позвали обедать на верхнюю палубу, к этому моменту вещи были уже собраны, билеты куплены, шофер подал машину к трапу. Осталось только вкусно пообедать и дать себя отвезти в аэропорт. Мы вылетали в Сидней через несколько часов. Уже вечером была распланирована праздничная программа: посещение «Аиды» в концертном холле (к слову сказать, я почти не удивилась совпадению, узнав, что это всемирно-известное произведение, одно из любимых Баси, дают здесь лишь раз в году) и ужин по случаю моего дня рождения с «коллегами». Я как всегда была согласна на все: совпадения, сюрпризы и прочие неожиданности рассматривать, как подарок. Бася улыбалась всю дорогу, периодически задерживая на мне настороженный взгляд. Однако, не заметив и тени сомнения на моем лице, облегченно продолжала кружить в ритме безмятежного счастья, что-то напевая себе под нос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.